

18+

АЛЕКСАНДР ТОКИЙ



КАК Я БЫЛ
РУССКИМ ГОСУДАРЕМ

Александр Токий

**Как я был русским
государем. Часть первая**

«Издательские решения»

Токий А.

Как я был русским государем. Часть первая / А. Токий —
«Издательские решения»,

В своей новой книге Александр Токий ярко и с любовью рассказывает о России, её многонациональном народе и судьбе. В центре повествования — чиновник, оказавшийся на руинах мечты о царстве. С тонким юмором и глубоким пониманием автор раскрывает современное общество, его противоречия и нелепости, одновременно передавая трепетное отношение к русской культуре, языку и традициям. Не пора ли задуматься: что значит быть русским сегодня и как обычный человек вписывается в сложную систему мира?

Содержание

1	6
2	26
3	34
4	42
5	45
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Как я был русским государем Часть первая

Александр Токий

Редактор Ольга Василенко

Корректор Яна Паславская

Дизайнер обложки Вера Филатова

Изображение на обложке взято с сайта freepik.com.

© Александр Токий, 2026

© Вера Филатова, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0069-5567-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Когда объявили конкурс на русского царя, я ушам своим не поверил. В последние годы разговоры о наследниках престола совсем поутихли — и вдруг конкурс. Это было потрясением, словно меня переместили в другую реальность. Рассудок подсказывал, что это может быть розыгрышем, но всё равно справиться с охватившим меня волнением я не мог. Неведомая сила рвалась изнутри, заставляя частым дыханием загонять её обратно. Лицо запылало, в ушах зашумело. Меня поразили в самое сердце. Стать царем было моей сокровенной мечтой. Наверное, не моей только, но моей-то уж точно! Тысячи раз я сладостно представлял себя вершителем судеб. Любая нелепица и глупость вызывали у меня непреодолимое желание стать государем. Иначе исправлять ситуацию я не хотел. Построить великое государство может только царь!

Жена прикрыла дверь, ведущую в комнаты детей, и, чтобы узнать подробности, переключала каналы, но везде шли обычные телепередачи. Она обернулась ко мне, чтобы что-то сказать, но, увидев на моей физиономии царские переживания, осеклась. Молча, не глядя в глаза, она тем не менее продолжала на меня коситься.

В полной тишине мы дождались следующего выпуска новостей. И там слово в слово диктор зачитал то же сообщение. Голова шла кругом. Мысли прыгали одна на другую. Сосредоточиться не удавалось. Очень медленно, напряжённо, будто боясь что-то расплескать, я пошёл на кухню и сварил кофе. Жена, отвернувшись, снова щёлкала пультом по каналам.

— Хрень какая-то, — первым нарушил молчание я, когда кофе слегка вернул меня к действительности. — Какого царя они собрались выбирать? Из кого?

— Из президента, наверное, — понимая моё состояние и боясь рассердить меня, вежливо ответила жена.

— А чего его выбирать? Он и так царь!

Жена молча сидела, не вступая в разговор.

— Что ему, полномочий мало? Он и так всё может.

На счастье жены раздался телефонный звонок. Она взяла трубку:

— Аллё? Привет! Кофе пьёт.

Прикрыв микрофон ладонью, она спросила:

— Гаврилов. Будешь говорить?

Я взял трубку:

— Аллё?

На том конце провода Петька Гаврилов начал восторженно делиться своими впечатлениями о царском конкурсе и спрашивать, что я по этому поводу думаю. Но я всё ещё был раздражён и заторможен.

— Хрен его знает! Завтра, наверное, что-нибудь опубликуют?

— Ну а в цари-то пойдёшь? — всё так же бодро, но с каким-то интимным придыханием спросил он.

— Да я же говорю, хрен его знает, что они там придумали. Подумать надо.

— Ну ладно. Пока! — необычно быстро оставил меня в покое Петька.

Видимо, желание поделиться с другими оказалось сильнее его привычки мучить меня пустыми разговорами.

Когда пошли другие звонки, меня начало охватывать чувство ревности. Я вдруг понял, что это предложение не только для меня, а для миллионов таких же, жаждущих власти. У звонивших в голосе чувствовалась нездоровая заинтересованность. Видно было, что они, как и я, боялись упустить шанс и пытали меня расспросами. Я отвечал кратко и делал многозначительные паузы, будто бы зная какую-то секретную информацию. Собеседники обижались и

бросали трубку. Ближе к вечеру я и сам набрался мужества и позвонил приятелю в наше московское представительство. Тот тоже был не в курсе. Правда, хитрый жук, напустил туману: начал лепить что-то про государственное строительство. Но по тону было понятно, что и он ничего не знает.

Разговоры о царе ходили давно. Со страниц газет пытались завязать дискуссии. К этому привыкли. Но чтобы вот так, в лоб, официально и на всю страну?

За ужином дети сидели тихо, видимо, чувствуя наше с женой напряжение. Я хряпнул стопочку, и меня немного отпустило. Жена была необыкновенно доброй, мягкой и заботливой. Мы рассеянно перебрасывались короткими фразами. Я со всем соглашался, поддакивал, ел медленно и старался ни на кого не смотреть. По обыкновению, дочь попыталась приставать с какими-то глупостями, втягивая меня в свои разборки с младшим братом, но жена вмешалась в наш разговор, шикнула на детей, и они ушли в свои комнаты.

А в моей голове была полная мешанина. Непонятно, зачем устраивать вселенский ажиотаж, чтобы выполнить формальность по объявлению царём либо нашего президента, либо кого-то из его окружения? Они вполне могли обойтись решением депутатов. На худой конец могли бы породниться с кем-то из многочисленных наследников. Мало их там царствует в Европах? К тому же жена заметила, что дикторы, зачитывая текст, позволили себе лёгкую иронию. Мне тоже так показалось. То есть какой-то подвох там есть? Только какой? Кто согласится отдать власть вот так просто, без обязательств, пут и крючков? Я попытался позлословить на эту тему, чтобы как-то компенсировать внутреннюю обиду, но жена уже закусилась удилами, будто гоголевская городничиха, глядела на меня, как на монаршую особу.

Весь оставшийся вечер в голове крутились мысли только о конкурсе.

Не знаю, как у других, а у меня при проведении разных лотерей вдруг появляется скрытая надежда, что наконец-то мне повезёт. Я втайне покупал пару билетиков и ждал розыгрыша. И чем больше я проигрывал, тем большая надежда у меня появлялась. Вот и в этот раз.

Стоило улечься в постель, как мечты захлестнули моё воображение. По-детски, вновь и вновь я прокручивал картинки своего участия в состязании. Каждый новый сюжет триумфа был совершенней предыдущего. Я придумывал невероятные ходы, которые должны были обеспечить мне успех, специально отодвигая минуту торжества, чтобы растянуть удовольствие. Постепенно мысли рассеялись, появились какие-то абстрактные видения, и я заснул.

Наутро мне в кабинет принесли главную правительственную газету. На первой странице была статья о воссоздании института монархии в России. Ниже красовались герб и царские атрибуты: скипетр, держава и корона. Чуть ниже в калейдоскопическом порядке расположились небольшие портреты русских царей.

Я пробежал глазами передовицу. Написано хорошо. Стабильность, целостность, преемственность, «русский мир». Всё чинно и благородно, как говаривал один из персонажей Зощенко.

На второй странице такой лепости уже не получилось. Крупным шрифтом был набран заголовок: «Закон о Царе Российской Федерации». Бредятина полнейшая! Я стал рассматривать газету. Тираж, издательство, редактор. Всё штатно, но всё равно казалось, что это чья-то шутка. Да и вчерашнее заявление на государственном канале?..

Закон был лаконичным: вводится государственная должность «Царь Российской Федерации».

Бред! Царь — и федерация? Какой идиот это придумал?

Далее расписаны статус, полномочия, взаимодействие, обеспечение и прочая юридическая путаница.

Какие государственные полномочия царя, если в Конституции ничего этого нет в помине? Точно бред!

Я ещё раз перечитал закон и снова ничего не понял. Получается, что вводится дополнительная должность с полномочиями, дублирующими президентские. Я хотел было пойти к юристам, но вовремя одумался. Сразу пойдёт слух, что Юрченко в цари собрался.

— Нет, — решил я. — Подожду, пока само собой выяснится.

Ниже закона мелким шрифтом было опубликовано положение о проведении конкурса. Далее, на третьей странице, — распечатана анкета для соискателей. Как опытный бюрократ, я сразу отметил, что анкета сформирована для обработки машинным способом. Видимо, устроители предполагают, что желающих будет много.

Достав из ящика стола лупу, я принялся рассматривать графы для заполнения. Имя, фамилия и прочие данные — это понятно. Автобиография — тоже. Далее предлагалось описать свою родословную за как можно более длительный период. Таблица родословной была разделена на множество строк, куда нужно было вписывать предков. Справа, как и положено, был столбец для примечаний. Предлагалось указать родственников по отцовской и материнской линиям, где и когда они жили и с кем из царствующих особ были в родстве.

«Это где же искать корни до десятого колена, если всё обрывается коллективизацией, репрессиями и войной? — мысленно усмехнулся я. — С какими монаршими семьями я мог быть в родстве? Чушь какая-то! Кем мне приходится нынешние цари? Какие цари? Заморские королевны?»

Сладенькие надежды, с которыми я засыпал накануне, постепенно превращались в глупые детские мечты. Отложив газету, я молча уставился в окно. Что я чувствовал? Не знаю. Наверное, мы все немного мазохисты. Но получать какое-то щемящее удовольствие от сознания своей ничтожности — это диагноз!

В кабинет заглянула моя секретарша Настя и с притворной робостью спросила:

— Александр Фёдорович! Можно, сотрудники газеты посмотрят про царя?

— Про какого царя? — спросил я.

— Ну там, где про выборы царя?

— А им-то зачем? В цари хотят?

— Ну нет. Просто интересно.

— В обед отдам. Пусть работают.

— Ну Александр Фёдорович! Пожалуйста. Дайте, пожалуйста. Все уже прочитали, только наши не видели.

Ухмыльнувшись, я протянул газету:

— Аккуратней. Посмотрят — верни.

Когда Настюха выскочила из кабинета, в приёмной сразу же загалдели. «Ждали, — подумал я. — Все в цари собрались. Дурачье!»

Полагая, что уже все охвачены этим событием и в обеденный перерыв будут отчаянно острить на царскую тему, я тоже начал сочинять остроты, чтобы выдать их за экспромт. Но ничего интересного на ум не приходило: надежда и желание стать царём перекрывали всё.

До одиннадцати никто не звонил. От волнения я ходил из одного угла кабинета в другой. Сделав ходку, я останавливался у окна и бессмысленно рассматривал надоевший до чертиков пейзаж. Понимая, что сегодня понедельник, что работа стоит, что мои архаровцы тоже не работают и какая-нибудь каверза обязательно выскочит, я попытался читать бумажки, но ничего не понимал и поделаться с этим ничего не мог.

Когда начались звонки, тема была одна: царь! Мало того что задавали одни и те же вопросы, каждый ещё норовил пошутить.

«Хорошее слово — пошутить, — подумал я. — Это значит стать шутом. Надо запомнить. Шут из той же оперы, что и царь».

В столовую для руководства я спустился с большим опозданием. В зале остались такие же, как я, кто принципиально не вписывался в рамки распорядка и постоянно оставался после работы подбирать хвосты. Иногда подобные посиделки нам удавалось выдать за усердие и трудовой подвиг, поэтому в этой части мы были на хорошем счету.

Видно было, что тему выборов уже обсуждали. Получив в моём лице нового слушателя, соратники наперебой принялись воспроизводить озвученные до меня остроты.

«Господи, до чего же банально и однообразно!» — думал я, вспоминая о своих заготовках.

В основном всё крутилось вокруг президента, премьера и группы самых богатых жуликов страны. В состязании остроумия чиновники осмелели до того, что стали обсуждать интимную жизнь некоронованных хозяев державы.

«А ведь всё от зависти, — презрительно думал я, принимая их фантазии и на свой, царский, счёт. — Боже ты мой! И это цвет области!»

А коллеги тем временем принялись строить предположения, как верховные особи будут делить трон, кто кого будет травить и успеет ли старичье зачать наследников. Над вариантами ржали, потеряв всякую осторожность.

«Шутите? Шуты!» — всё хотелось сосричь мне, но я не мог вспомнить, что по этому поводу Пушкин писал царю Николаю.

Когда перемалывать кости москвичам надоело, бритый налысо татарин попытался пройти по местной знати, но, к своему удивлению, поддержки не нашёл. Гладкая, как большой бильярдный шар, голова его вопросительно крутилась по сторонам, но чиновники угрюмо уткнулись в тарелки, и Шамиль понял, что зашёл слишком далеко. Для спасения ситуации он быстро переключился на себя, заметив, что Чингисхан был рыжим, а он тоже до облысения был рыжим — следовательно, он его потомок и запросто может претендовать на престол. На вопрос, чем он это может доказать, Шамиль выразил готовность снять штаны.

Над этой его шуткой посмеялись. Шамиль же, явно желая замять свой промах, искал, чем ещё повеселить народ, и остановил взгляд на Лёньке Мирмовиче. Шлюня, как ласково называл я Лёньку, отстранённо, не реагируя на других, молча пережевывал свои травяные салаты, которые предпочитал по причине доставшейся ему в наследство предрасположенности к запорам. У меня с Лёнькой были доверительные отношения. Я часто обращался к нему за советом, что тому льстило, но, как правило, его советами не пользовался. Большой мудростью они не отличались, однако обкатанная со всех сторон проблема становилась более понятной. Мне было комфортно с ним. Мои холерические выпадки разбивались о его флегматическую занудность, поэтому в минуты острых кризисов я часто обращался к нему.

Относился я к Лёньке с товарищеской теплотой, несмотря на его зацикленность в еврейском вопросе. Защищал от антисемитских выпадов, однако, когда он вдруг начинал задирать свой богоизбранный нос, я ему спуску не давал и старался щёлкнуть по этому носу, однажды даже в прямом смысле. Тогда мы чуть не подрались, и это было мне уроком. Близкие отношения точно так же не терпят фамильярности и тем более распушенности.

— Интересно, — с иронией начал Шамиль, — а евреев к конкурсу допустят на общих основаниях? Или по благу?

Сделав паузу, он с усмешкой спросил:

— Пойдёте в цари, Леонид Борисович? — и хотел уже было засмеяться, но все ждали, что ответит Лёнька.

А Шлюня, дожидаясь и проглотив зелёную массу, медленно повернулся к ёрнику, облилиз пухлые губы и, бесстрастно глядя на него маленькими прищуренными глазками, по-еврейски интонируя, произнёс:

— Если дадут немного шить!

Хохотали все: и те, кто знал анекдот, и те, кто понял по-своему.

После слов Лёньки возникла пауза. Шамиль взглядом искал, кого бы ещё зацепить, но после прокола с местными олигархами осторожничал. Чтобы продолжить еврейскую тему, мне захотелось вставить замечание, что Шамиль и Самуил — это одно и то же, но мои этимологические изыскания у коллег вызвали отторжение, и я не рискнул. Вместо этого я вспомнил, что видел в Историческом музее в Москве бронзовый бюст царя Александра Первого, точь-в-точь похожего на Ромку Галицкого. Сходство было поразительным: те же поджатые губки, лысая башка и хитрая до ехидства рожа. Про ехидство я Ромке, конечно, не рассказывал, но о сходстве всю плешь ему проел.

— Только царь чуть дородней, что ли, — рассказывал я. — Как-то солидней? Рома попроще.

— Выродился, наверное, — заметил злой мальчик Коля по прозвищу Кмызя и, услышав хихиканье, обрадовался, что его шутка была принята.

Крутя головой по сторонам, он громко заржал.

Ромка сделал вид, что не обиделся, и тоже засмеялся. Решив подыграть, он высокомерно возразил:

— Не! Мы не Романовы! Мы — Гедеминовичи!

Все снова засмеялись.

Однако Кмызя не был бы злым мальчиком, если бы не напомнил Галицкому о подарке начальника архива Петрова. Тот к Ромкиному дню рождения составил его генеалогическое древо — от дочерей до крепостных Смоленской губернии. Про крепостных было сказано со злой иронией, и по Ромкиной физиономии было видно, что он уязвлен.

— Да ладно вам, — пришёл на выручку тот самый начальник архива Петров. — Даже если Ромины предки были крестьянами князей Галицких, их наверняка баре таскали в баню. Поэтому Рома и похож на царя—батюшку!

Эта шутка тоже вызвала смех.

Дождавшись, когда хихикнувшая официантка уйдёт на кухню, Петров продолжил:

— Вы зря ржёте. Вы что, из дворян, что ли? Вы что думаете, что ваших колхозных бабок по баням не таскали? Ага! Ждите! Вы все можете претендовать на трон! Уверяю вас! Это надо по внешности смотреть. Вот у Ромы, — повернулся он к Ромке, — лицо царское...

Все притихли.

— А твою бабку, — повернулся Петров к Кмызе, сделал паузу, но то, что хотел, произнести не решился, а только прыснул в тарелку и забился в конвульсиях, прикрыв рот салфеткой.

Обедающие поняли и тоже засмеялись.

— Если только портянку ей на рожу надевали... — обрадованно подхватил Шамиль, — и то только ночью, в темноте и по пьяной лавочке!

Народ в столовой перестал есть, все закатывались смехом.

— Твой дед сам боялся смотреть, — не унимался Шамиль. — Сначала стакан бухнет, и только потом на неё лезет... С закрытыми глазами... Хату никогда не закрывал и собак не держал...

Ромка хотя особым остроумием не отличался, но тоже решил вернуть долг обидчику:

— Это, наверное, в Таганроге царь её увидел. Сразу схимну принял, притворился мёртвым и зарёкся на женщин смотреть.

— Ну да. Её же царю привели как героя войны двенадцатого года, — со смехом подхватил Петров. — Её же специально тогда в Москву заслали французов пугать. А на хрена им страна с такими бабами? Они как её увидели — чесанули в разные стороны. А Наполеон впереди всех... От испуга всё бросил на хрен...

В зале началась истерика. Петров пытался ещё что-то сказать про поручика Ржевского, но слушатели, корчась в судорогах, отмахивались от него.

Глядя на эту истерию, Коля кисло усмехался, но отшутиться не смог. Его попытки что-то сказать только вызывали ещё больший смех. Даже всегда осторожный Шлюня хихикал, поглядывая в Колину сторону. Бедняга, криво улыбаясь, встал, положил на стол деньги за обед и пошёл к выходу.

— Николай, — вслед ему громко сказал я. — Не обижайся ты на этих дураков. Нормальное у тебя лицо.

Но от моих слов истерия вспыхнула с новой силой.

Когда Кмызя ушёл, я попытался пристыдить шутников, но Петров перебил меня:

— Да пошёл он!.. Сам виноват. Не надо было начинать. — И, увидев, что в зал вернулась официантка, замолчал.

— Всё равно, Серёжа. Нельзя унижать. Вы что, соревнуетесь, кто у нового царя шутом будет? — наконец-то вставил я свою заготовку.

— Забыл его спросить, а он что, тоже в цари собрался? — вмешался Шамиль.

— Кто? — переспросил Петров.

— Кмызя.

— Это с его-то рожей? — не унимался Петров.

Прошёл лёгкий смешок, но продолжения не последовало.

Отклонившись от стола, чтобы не мешать официантке убрать посуду, Петров повернул голову ко мне и не без иронии спросил:

— А ты, Фёдорыч, чего молчишь? Сам-то в цари пойдёшь?

Когда-то он претендовал на моё кресло, а как ему сказали, что он эту должность не потянет, то публично моё первенство признал, но на каждом совещании, где мне приходилось выступать, критиковал меня нещадно, цепляясь к каждому пустяку.

— Фёдорычу нельзя, он грек, — осторожно пошутил Шамиль.

Все молча покосились на меня.

— Как раз мне и можно! — безапелляционно ответил я.

— Это с каких это шей? — с ещё большей иронией и, как мне показалось, с ревностью спросил Петров.

— С таких! — с усмешкой ответил я. — Ну, во-первых, — я посмотрел на Лёньку и произнёс с еврейским прононсом, — я всё-таки немного гусский. Во-вторых, если вы изучали историю, то должны знать, что элита в большинстве государств всегда была иноэтничной. Ну какой из русского царь? Русские слишком добрые. Водки попили, колбасы поели и готовы последние штаны отдать. Поэтому у нас в стране только я один могу быть царём.

Петров хоть и улыбался, но по напряжённому взгляду видно было, что он думает, как мне возразить.

— Русские — великая нация! — продолжил я. — Живая душа, вольная. По правилам не живёт, простора просит. Гремучая смесь. Ей хозяин нужен. Честный и справедливый. Такой, как я! Поэтому — увы. Придётся мне этот воз на себя взваливать.

Слушатели перестали звенеть приборами, чтобы не пропустить мои слова.

— Кроме того, какие из вас русские цари, — старался я говорить с иронией, — если вы не знаете, что значит слово «русский».

— А! Ну да! — с уже нескрываемым ехидством воскликнул Петров. — Ты же у нас этимолог! Ра, ура, мура!

— Да, мой друг, Сергей Михайлович! Я широко одарённый человек. В каком-то смысле гений. Вы бы не смеялись, а прислушивались. Этимология не слова изучает, а открывает истину. «Этимон» с греческого — «истина». А истина, друг мой Серёженька, бывает не только в вине, как понимает большинство наших соотечественников. Истина — это знания. А знания — сила! Надеюсь, вы слышали про такие журналы в СССР? Без них бы наши отцы Гагарина в космос не запустили. Но боюсь, что вас, историков хреновых, и этому не учили.

Петров, взяв в руки приборы и широко расставив руки, глядя на меня, ухмыльнулся:

— Ну да! Куда нам, с нашим университетским образованием?

— Университетским? Это что за университетское образование, если вы ни математику, ни физику совсем не знаете? В чём его университетскость? Серёж? В какой такой универсальности? В том, что вы учебники зубрите, не понимая смысла? Что вы можете понимать, заучивая хронологию Скалигера или «Краткий курс ВКПБ»? А потом ещё по десять раз всё переписываете и переистолковываете. Вы с Ромой Галицким можете спокойно взять свои университетские дипломы и засунуть их сам знаешь куда! Вместе с вашими университетскими знаниями...

Официантка поняла, что юмор закончился, и быстро выскочила на кухню.

— Да, да, знаю! Фоменко начитался.

Петров снова откинулся на стуле, но ничего не сказал.

— Да, Александр Фёдорович! — вступил в спор Ромка Галицкий. — Фоменко всё ради бабок раскручивал. Всё это полная чушь.

— Да при чём здесь Фоменко, Ром? Если математик, академик нашёл какие-то несуразности в хронологии — это изучать надо, а не костры жечь. Мы об этимологии говорим. Если вы начитались Фасмера, то какие из вас русские цари? Фасмер свой словарь составлял для немцев, которых планировали расселять на завоёванных русских землях. Какой-то кретин перевёл трофейный словарь на русский и сделал учебным пособием в ваших сраных университетах. Ром! Ну это же факт. Не выдумка, а непреложный факт. Предали вы русский язык! Это ведь вы утверждаете, что русский язык неполноценный? Можно вас, предателей, в цари избирать?

Ромка осёкся, отвернулся и, не зная, что возразить, замолчал.

— Хорошо, что вы мои друзья и учили вас не только истории, — примирительно пошутил я.

Но рожи у Ромки и Петрова были недобрые, и в мою сторону они не смотрели.

— А я, Фёдорыч, электромеханик, — сострил Шамиль.

— Да, электромеханик. Закон Ома помнишь? Электромеханик?

— Сила тока в цепи прямо пропорциональна напряжению и обратно пропорциональна сопротивлению, — заученно протараторил Шамиль.

— Ну это ты с детства знаешь. А что твоё имя значит, так и не понял. Что значит твоё имя, Шамиль? Знаешь? — не удержался я от этимологической прыти.

— Знаю! Это значит «Ша, милая!» — Круглое лицо татарина светилось счастьем.

— Шамиль — это шепелявый Самуил. Или просто Шмиль. Еврейское имя. Так, Лёнь?

Шамиль посмотрел на меня, на Лёньку и весело спросил:

— Значит, я еврей? Спасибо! Лехаим, Леонид Борисович!

После его пассажа Петров и Ромка усмехнулись.

— Так всё-таки что значит? Знаешь? — вызывающе настаивал я, одновременно повернувшись к Лёньке.

— Знаю, конечно! Я — батыр! Богатырь!

— Ну в принципе правильно! — язвительно усмехнулся я. — Если с татарского, то ты точно «ебатыр»!

По залу прошел смешок.

— Херня всё это на постном масле! — скептически пробурчал Петров.

— Ну правильно, Серёжа! Просто вам подумать лень. А ещё в цари собрались. Царь — он должен быть башковитым...

— Как я, — вставил Шамиль.

— Да, как ты. Только татарина царём всё равно не назначат. К тебе сразу турки понаедут. Так что ты своей рыжей мошонкой не тряс, не получится.

На мошонку никто не отреагировал.

— Ром. Хватит дуться. Если меня выберут царём, я сразу сделаю тебя великим князем. И хотя твоего предка Папа Римский объявил первым королём Руси, я зла не держу. Дети за родителей не отвечают. Будешь моим заместителем по царству. И Серёгу не обижу. Будет Серёга графом Петровым. Князь Петров не звучит, а вот граф Петров — это звучит гордо. Граф, фельдмаршал, главный архивариус Российской Федерации, их сиятельство Сергей Михайлович Петров! А? Серёга?

— А меня? — улыбаясь, спросил Шамиль.

— А тебя сделаем верховным муфтием.

— Не, я муфтием не хочу. Я ханом буду.

— Ну ханом, так ханом. Сам свой путь выбрал. Хан Казанский!

— Астраханский и Сибирский, — поспешил добавить Шамиль.

— Ага! Ты ещё скажи, царь польский и грузинский. Ещё и Крым попроси? Хрен вам. И евреям тоже. Крым — греческий остров. Поэтому вы, господа, анкеты не заполняйте, а отправьте письма в мою поддержку.

В зале снова засмеялись.

— А Леонида Борисовича? — с поддёвкой спросил Шамиль.

— О! С евреями ухо нужно держать востро. Евреи — субстанции особая. Скотоводы. Им всё хочется поймать кого-нибудь за яйца и пасти, по завету Всевышнего. А народы пастись не хотят, царства их рушат и гоняют евреев из угла в угол. Издам указ: разработать систему, где бы от евреев пользы было больше, чем вреда. Энциклопедию издадим — «Еврееведение». А Леонида Борисовича назначу смотрящим за евреями в русском царстве.

— Да ты, Фёдорыч, антисемит! — радостно съязвил Петров.

Мне это обвинение Петрова понравилось.

— Лёнь! — обратился я к Шлюне. — Чем вы так запугали нашу интеллигенцию, что прослыть антисемитами они страшатся больше, чем педофилами или изменниками Родины?

Я с улыбкой посмотрел на Петрова:

— Увы, Серёженька! Я не анти, не про и не контра. Я мудрый грек, потомок Александра Великого, которого вам, моим братьям, русским, забывшим свой язык и своих богов, как раз в царях и не хватает. Университетского образования, Серёженька, здесь маловато будет. Здесь нужно мозги иметь. О чём, собственно, и не любимая тобой этимология. А из Лёнчика воспитаю барона Мехлиса, сошью ему мундир комиссарский, дам наган, вот вы у него попляшете!

— Я же говорю, — вставил Петров, — антисемит!

— Давали уже евреям наганы, — пробурчал Ромка Галицкий. — До сих пор прежнего царя найти не могут. Наган — это револьвер. Вот и ждите, когда ревер ад вос... — блеснул он знанием латыни.

— Так нужно, чтобы не вернулось, — возразил я. — Учтём ошибки предшественников.

— Мы Фёдорыча охранять будем, — подхватил Шамиль. — Каждого неблагонадёжного возьмём на учёт, — глядя на Галицкого, закончил он, смеясь.

Мне понравилось, что Шамиль уже видит меня царём, и, как настоящий царь, я решил примирить спорщиков:

— Вот! Первая награда будет Шамилю: «За верность государю»! Ром, запиши, чтобы не забыть. Верность — это и есть доблесть подданного. Царей убивали, убивают и будут убивать. Россия — страна сумасшедше богатая, соискателей много, как тут удержишься? Поэтому первое, что поручу товарищу Мехлису, — вернуть наши деньги, которые с помощью евреев украли во время приватизации. Сто триллионов долларов? Так, Лёня?

— Ты, Сашка, с ума сошёл? Вся Россия столько не стоит. — Шлюня покрутил пальцем у виска.

— Россия бесценна! Ну, цифру подкорректируем, это не самое важное. Главное, чтобы евреи с энтузиазмом отправились занимать рабочие места, где нужен не только умственный, но и физический труд!

— Ты, Фёдорыч, не только антисемит, но и фантазёр!

— Ничего не фантазёр. В Израиле же евреи коровам хвосты крутят. Значит, могут.

Пока я произносил торжественные речи, официантка принесла тарелки с едой, и обсуждение будущего царства на какое-то время затихло. Прервал молчание снова Шамиль. Дуя на вилку с кусочком рыбы, он философски заметил:

— Хорошо, что я электромеханик.

Все, кроме Ромки Галицкого, засмеялись. Ромка же, отвернувшись, разрезал мясо на кусочки.

— Ром, ты на меня не обижайся, — примирительно начал я. — Ну что я могу поделывать, если русская культура и русский язык имеют древние корни, которые что-то значат. Разве может язык быть бессмысленным? Огурец зелёный, помидор красный? Это же для дебилов, Ром? Ты же мой любимчик! Ты же умница. Ты же это и без меня знаешь. Чего спорить из-за принципа? Ты же князюшка! Аристократ! То есть стократный ариец!

— Ну Сашка, ты, конечно, жучара! — не удержался Шлюня, тоже пережёвывая кусок мяса.

Мне понравилось, что накал спал, и я решил перейти на Лёньку.

— Вот ты, Лёнь, что ешь? — спросил я.

— Мясо, — ответил Шлюня.

— А какое это мясо? Свинина?

— Нет, ты что! Говядина. С черносливом. — Жуя, Шлюня поднял вилку с куском мяса.

— Ну что такое чернослив, ты сам знаешь. Чёрная слива. Так? А что такое говядина?

А, Лёнь?

— Говнядина, — поспешил вставить Шамиль.

— Ну правильно, примерно так. «Гов» — это то же, что и «ков». Что такое «ков», Шамиль? Ну, вспомни! «Ковбой» что значит?

— Пастух. Коровий мальчик.

— Вот! Это корова. А «яд» — это еда. Ты, Лёнька, коровоядный...

— Да хватит уже... — возмутился Шлюня. — Дай поесть нормально.

В это время в столовую шумно вошёл наш начальник, Лёшка Казанцев. Огромного роста полный мужик с богатырским и немного бабьим лицом и громогласным голосом. За ним семенил вертлявый Петька Гаврилов, явно что-то выпрашивая.

— Ну что? Цари! Записались уже? Предатели!

Казанцев в силу роста, должности и темперамента всегда говорил так, будто больше всех знал и понимал.

— Да нет пока, — ответил Петров. — Нам тут Фёдорыч всё мозги парит своей этимологией.

— Что снова придумал, Сань? Чему ты этих бездарей учишь?

Казанцев относился ко мне с уважением, но всегда разговаривал с чувством собственного превосходства. Поэтому, чтобы не выглядеть смешным, натравливал на меня подчинённых, сам выступая арбитром. Он уселся за мой столик, но Гаврилову сесть рядом не позволил, отмахнувшись рукой.

— Ничего я не сочиняю. Пытаюсь объяснить коллегам, на каком языке они разговаривают и что эти слова значат.

— И что? Не понимают? Ты сам-то веришь в то, что говоришь? До четвертого века о славянах и слыхом не слыхивали, а ты говоришь, что это самый древний язык.

— Это у историков не слыхивали.

Казанцев по образованию тоже был историком, и я часто ёрничал по этому поводу.

— А у вас, у официантов разговорного жанра с греко-хохляцким происхождением, историю и русский язык знают лучше?

Казанцева веселили записи в моей трудовой книжке, и это часто было предметом для шуток.

— У каждого, Алексей Георгиевич, свои университеты.

— Фёдорович советует нам засунуть дипломы в одно место, говорит, что мы ни хрена не понимаем, — рассчитывая на поддержку, наябедничал Петров.

Казанцев взял меню и, потрясывая им, после небольшой паузы рассеянно выдавил из себя:

— Да?

— Ну! Говорит, что словарь Фасмера нужно запретить.

— Эй, девочки! Кто там сегодня? — крикнул Казанцев в сторону кухни и, когда испуганная официантка подскочила к нему, глядя в меню, заказал:

— Мне овощи, говядину с картошкой и кисель. Всё.

В столовой раздался хохот.

— Что? — Казанцев оглянулся на смеявшихся.

— Да это, — со смехом начал Шамиль, — Фёдорович назвал Леонида Борисовича коровядным...

Казанцев ещё не понял, что было до него, и осторожничал, чтобы чего-нибудь не сморозить.

— Сань, ты чего людям аппетит портишь?

— Да это я так, к слову пришлось.

Казанцев любил мои рассуждения, поэтому сначала заулыбался, а потом и засмеялся.

— Лёнь? Ты жадина—говядина? — Он явно был расположен к разговору в ожидании пищи. — Что ты им ещё сегодня втюхивал?

— Да одно и то же, — не удержался Петров.

Дверь в столовую приоткрылась, и в образовавшуюся щель протиснулись Витька Устинов и Вовка Заикин. Это были протеже стареющей начальницы наградного отдела Воробьёвой. Витька, когда-то поступивший по колхозному набору в пединститут, увлёкся там бальными танцами, и это ему очень помогало в учёбе и дальнейшей карьере. К Воробьёвой Витьку привёл совсем не умеющий танцевать ректор пединститута Глазырин, таскавший его за собой на все приёмы и вечеринки. Витька закатил старухе страстное танго с опрокидыванием навзничь и поцелуями в дряблую шею, после которого она немедленно выхлопотала ему небольшую должность в своём отделе. Ректор в качестве отступного получил грамоту и какое-то время приходил к Витьке в кабинет как к себе домой, пока тот не обнаглел и не выставил его. Витькин односельчанин и однокурсник, Вовка, к танцам предрасположен не был, но Витька поставил условие, и Вовку сосватали в управление ЗАГСов.

Казанцев, увидев танцоров, весело возмущился:

— А! Жигалы? Что вы хотели?

— Обедать пришли, — нагло, на правах старшего, заявил Витька. — Нам Людмила Степановна разрешила.

— А что? У нас теперь Людмила Степановна — губернатор?

— Нет. Просто она сама не обедает, поэтому нам разрешила вместо себя.

От Витькиной наглости весёлость Казанцева сменилась на брезгливость.

— А что вы ещё за неё делаете?

По столовой прокатился смешок, и снова установилась напряжённая тишина. Витька замер в нерешительности. Свободных столов не было, а подсаживаться к обедающим начальникам он не решался.

— Идите, мальчики, отсюда, чтобы я вас здесь больше не видел.

Вовка сразу выскочил из столовой, но Витька уходить не спешил.

— Танцор? Тебе что, яйца мешают? И старухе передай, чтобы она сюда больше не приходила. Здесь люди обедают.

— Я думаю, она сама решит, приходить ей или нет. — Роба у Витьки покраснела, и было видно, что он сильно уязвлён. Но вот так уйти он считал ниже своего достоинства.

— Юноша! У вас мозги перегрелись? Снимите с головы исподнее своей бабушки.

По столовой снова прокатился лёгкий смешок, но ржать никто не отваживался.

— Вы о своих мозгах позаботьтесь. Если они у вас есть... — огрызнулся Витька.

Казанцев покраснел, с шумом встал, сжал в руке фарфоровую солонку и уже хотел было запустить в Витьку, но я перехватил его руку и тоже заорал:

— Виктор, что ты кабанишь? Сказали же тебе, что вам здесь делать нечего.

Мой ор подхватил и Петров:

— Ты глухой, что ли? Урод?

С «уродом» Петров, конечно, погорячился. Уродом Витька не был. Хотя голова его и была уже слегка побита плешью, но лучистые глаза Ихтиандра всё так же кружили голову дамам, и дряхлым, и молодым.

Конфликт Казанцева с Воробьёвой был застарелым. Иногда он затухал, иногда вспыхивал с новой силой. Воробьёва была опытной аппаратчицей. С юного возраста она карабкалась по карьерной лестнице и пользовалась поддержкой начальства. Но со временем и начальников отправили на пенсию, и она постарела и прежнего влияния уже не имела. Как большинство чиновников, продолжателей советских традиций, она старалась извлечь максимум выгоды из своей должности и тащила со службы всё подряд, за что получила прозвище Крыска. Взятки она брать боялась, но была помешана на подарках, а Казанцев, в чьём ведении было контрольное управление, всячески этому препятствовал. По закону стоимость подарка не могла превышать трёх тысяч рублей, и Казанцев на всех совещаниях не уставал напоминать об этом, пугая потенциальных дарителей уголовными делами и увольнениями. Мы знали, что в канун праздников и дня рождения Воробьёвой сотрудники наградного отдела обзванивали потенциальных дарителей, приглашая на лёгкий фуршет, в надежде, что те с пустыми руками не пойдут. В эти дни Казанцев подписывал распоряжение о проведении контрольных мероприятий, после чего контрольная группа перехватывала дарителей в коридорах, опрашивала, изымала, записывала и фотографировала подарки с целью установления подлинной стоимости. А когда кто-нибудь интересовался, что из незапрещённого можно Людмиле Степановне подарить, обычно советовали подарить дешёвенький китайский пылесос. По приказу Казанцева пылесосы пропускались беспрепятственно, поэтому гараж и дача Воробьёвых были забиты новенькими коробками бытовой техники. Воробьёва, не будь дурой, пылесосы передаривала, поэтому у чиновников разных мастей они были в избытке и их тоже передаривали друг другу. Всё это было незаконно, однако причуды Казанцева оспаривать опасались. На самом вершине об этом знали, но относились к этому как к драке холопов за остатки барского пирога. Изъятые подарки складировались в кабинете Казанцева и после тщательной проверки, подержанные и слегка потрёпанные, сваливались в мешок из-под сахара, который относили в Крыскин кабинет. Судьба дорогих подарков складывалась по-разному.

Когда Витька ушёл, воцарилась тишина, пока Шамиль притворно не вздохнул:

— Как хорошо, что я танцевать не умею.

Раздался лёгкий смешок.

— А то бы тоже пришлось рейтузы на голове носить.

Тут уже засмеялись все. И Казанцев тоже. Конфликт с танцорами на время примирил чиновников, и Шлюня, вытряхнув в рот остатки компота, выплюнул на блюдце абрикосовую косточку, после чего вытер рот салфеткой, повернулся ко мне и, делая скидку на присутствие Казанцева, начал поучительно разъяснять:

— Все корни, Александр Фёдорович, которые ты тут объявляешь русскими, — это всё в язык пришло из греческого и латыни. А санскрит записали относительно недавно, поэтому говорить, что русский язык древнее, — просто комплекс неполноценности.

Честно говоря, я только этого и ждал. Спровоцировать Шлюню на спор было сложно. Много раз я пытался начинать разговор о происхождении слов, и всегда он высокомерно замолчал, после чего мне хотелось щёлкнуть по его ярко выраженному носу.

— Я знаю, Лёня, почему «и ты, Брут». Все против меня!

— Фёдорыч, я воздержался, — всё веселился Шамиль.

— Что ты знаешь?

— Это у тебя еврейские амбиции в заднице зудят. Не можешь абстрагироваться.

— Юрченко, б..., ты мне тут ещё антисемитизм разведи, — хлопнул ладонью по столу Казанцев.

— При чём здесь антисемитизм? Что вы все так евреев боитесь? Придумали касту неприкасаемых. Нация молодая. Обыкновенные арапы. Скотоводы. Генетики говорят, что там столько всего намешано. Вон Лёня вообще смесь турка с грузином. И к Аврааму они никакого отношения не имеют. Где Сара Исаака надыбала? Может, он вообще наш был? Русский? Что, не так, что ли? Лёнь?

Но Шлюня молчал, а остальные, не прерываясь, ковырялись в тарелках.

— Я могу только по языку судить. У всех еврейских слов русские корни.

— Ты что, Сашка, совсем с ума сошёл? Библии тысячи лет, а русская письменность появилась совсем недавно. — Шлюня сидел поперёк стула лицом ко мне, и было видно, что я его зацепил.

— Ты, Леонид Борисович, на меня не рычи. Говядину я тебе оплачу. А доказать, что весь еврейский язык и вся ваша еврейская мудрость имеют русские корни, я могу в два счёта! За две минуты. Если, конечно, у вас у всех мозги не отсохли.

Казанцев, улыбаясь, с удовольствием усмехнулся и сказал:

— Сань! Давай. Если за две минуты докажешь — я тебе устрою командировку в Москву.

— Только короче, Склифосовский. Работать пора, — не смог скрыть свою ревность Петров.

— Ну, во-первых, — начал я, — Лёнчик прав, что санскрит записан недавно. Это так. Он не первоисточник, а лишь позднее отражение древнего русского языка.

— Подождите, Александр Фёдорович! Вообще-то санскрит положил начало всей европейской цивилизации. О русских тогда и слышать не слыхивали. — Ромка так же, как Петров, совсем не собирался слушать меня и соглашаться со мной.

— Ром! О цивилизации давай позже поговорим. То, что ты называешь европейской цивилизацией, совсем недавно из таких, как Лёня, абажуры делало. Нашёл цивилизацию!

Казанцеву мой пассаж понравился, и он, покрутив поставленную перед ним тарелку с овощами, удовлетворительно кивнул официантке, но есть не спешил.

— Так вот! — продолжил я. — В санскрите русские слова уже очень искажены. Я как-нибудь расскажу вам подробней. Давайте начнём с русских слов. Вы про Бабу Ягу слышали? Что значит это имя?

Все молча смотрели на меня.

— Есть такое древнее русское слово — «га». Это «путь», «дорога» и даже «движение». Это слово образовано от тяжёлого дыхания. Понятно?

Все молчали.

— А что такое «я», или, по-русски, «й-а»? Это «вниз». Можете сами убедиться! Звуки «ай» и «йа» образуются, когда голова задирается вверх. Трахея перегибается, и звук обрывается. Поэтому всё, что наверху, — это «ай». Луна — Ай. Лёд — айс! Цвет снега на вершинах — вайт! И горы все «ай»: Ай-Петри, Айдахо, Айова, Синай, Алтай. А наш алфавит? Начинается с «ай» — «верх» — и заканчивается «йа» — «внизу». Что такое «яма»? А «якорь»? Поэтому слово «йа-га» — это «путь вниз»! Бабка топила свои жертвы в болоте! И может быть, не бабка, а старик. Баба — это и старик, и мудрец, и учитель! Это потом придумали, что она сжигала в огне. А знаете, почему? Потому что слово «огонь» — «о-га-но» — это от болотных огней. А смысл слова — «вокруг пути нет». Топкое болото! На болоте горели болотные огни, и пройти там было невозможно. Когда обычный огонь освоили, название с болотных огней перешло на него.

— Ну и что дальше? — Лёшка смотрел на меня с усмешкой.

— Что дальше? А как евреи зовут своего бога? Ягве? Яхве — это от еврейской шепелявости. У них даже «сикль» — это «шекель». А что такое Ягве? «Йа-га-ви»? Ну? Мозги есть? «Йа-га» — это жертвоприношение, а «ви» — жизнь! А почему Ягве? Потому что это культ жертвоприношения. Вы Библию читали? Кем был Авраам? Его хобби? Предмет его культа? Чёрным по белому написано, что он всю жизнь строил жертвенники и приносил жертвы! Отсюда и слова «йа-га-мон» — тот, кто жертвует. Гегемон! И «мон-йа-га»! Маньяк! Убийца. Русский язык — это язык смыслов!

— Так, может быть, Баба Яга произошла от еврейского Ягве? Русское имя Иван — это же еврейское имя? — Петров никогда со мной не соглашался.

— Иван — это имя библейское. При чём здесь евреи? Само слово Библия — это слово русское. «Баба-илия» — «учение о боге». Что такое «баба»? Ну, Серёжа? «Ба» — это на всех языках «ба». Хоть «ибн», хоть «бэн», хоть «абу», хоть «батано», хоть наше «батя». «Ба» — это соитие, а «ти» — делать. Батя — это тот, кто тебя сотворил! Это понятно? А «баба», — сделал я ударение на последнем слоге, — это тот, кто сотворил батю. Дед. Но «баба» имеет ещё значение «учитель» и «учение». Баба Яга, она первична! Это потом появились всякие Ягве, Иеговы, Геенны и прочие жертвоприносители: игемоны и маньяки.

— Ну а почему ты считаешь, что Баба Яга не могла перейти из других языков? — настаивал Петров.

— Потому что Баба Яга — персонаж дохристианский, языческий. Язычество, Серёжа, — это то, что устно передавалось. Языком! «Я зычу»!

— Господи, да христианство внедрялось сотни лет. Всё могло за это время перейти из одного в другое, — не унимался Петров.

— Ладно, Сань, давай про жертвы доскажи — и идите работать, — вмешался в спор Казанцев.

— Так вот, — повторил я уже без прежнего воодушевления, — я считаю, что корень «яг» — один из тех, самых первых корней. «Йа-га» — «путь вниз», жертвоприношение в болоте. И такие слова, как геенна, гегемон, игемон, Яхве, Яков — это всё производные от этого древнерусского корня.

— А коньяк? — не стерпел Шамиль.

— Коньяк — это провинция, которую населяли древние славяне. Там французы не произносят звук «га», хотя в названии пишут. Это местность, которую огибает речка Шаранта. Поэтому и «ко». Круглая. Я потом для тебя ликбез проведу. А еврейское название бога Яхве — это два древних русских корня: «яг» и «в». Жертвоприношение. Русский язык первичен, это потом евреи всё переняли и всё перековеркали. Если вы умные ребята, поймёте!

— А гегемон — это тот, кто сжигает, — поддержал меня Петька Гаврилов, который давно слышал мои рассуждения и сейчас засвидетельствовал свою осведомлённость.

— Да! Только первую «г» не нужно читать. Я уже объяснял. Получается «егемон», то есть «мон» или «ман», который приносит жертву. Это же настолько очевидно, что нужно обязательно получить университетское образование, чтобы этого не понимать!

— Да! — Казанцев принялся за овощи и, пережевывая их, говорил с набитым ртом: — Всё это интересно, но неубедительно. Это получается, что ты, Юрченко, один умный, а остальные все дураки? Один ты знаешь, а остальные тупые?

— Не только я один. Салим со мной согласен.

— А! Учёный татарин! Вот откуда это у тебя? — произнёс Казанцев с нескрываемой злой иронией.

Салим симпатизировал коммунистам и был идеологическим противником Казанцева.

— Да, и он тоже. Он совсем неглупый человек.

— Он умный, — вставил Шамиль. — Весь ЦК Узбекистана развалил и к нам смылся...

— Было бы побольше таких работников, СССР бы сохранили. Он хоть головой думал, а не жопой.

Мой выпад Казанцева задел, и он со злобой приказал мне:

— Иди работать. Сидишь тут!

Он грязно выругался.

Я встал, поправил брюки и, вполоборота глядя на Лёшку Казанцева, спокойно сказал:

— Могу добавить, Алексей Георгиевич, что, когда игемон злится, он превращается в маньяка. Поэтому, когда игемон жертвует, это почётно, а маньяк — недостойно такого большого начальника, как вы! Честь имею!

Гордо подняв голову, я под смех друзей быстро вышел из столовой, не дав возможности оппонентам ответить.

После обеденной ругани я продуктивно поработал, забыв на время о конкурсе. Перед самым окончанием рабочего дня по внутреннему телефону позвонила секретарша Казанцева, Юлька, и попросила зайти.

Вместе со мной пришли Ромка Галицкий и Петров. Приставной столик был уже накрыт: постелена скатерть, разложены приборы, расставлены хрустальные бокалы, в большом блюде нарезаны деликатесы, в высокой вазе красиво уложены фрукты. Казанцев любил застолья и всегда подходил к этому основательно. Вот и бутылку красного вина он с большим удовольствием откупоривал подаренным ему заморским электронным штопором, который, солидно жужжа, с лёгкостью выкручивал из бутылки любую, самую тугую пробку.

— Ну что, цари? Как царствовать будем?

Ромка с Петровым заулыбались.

— Саня? Ты тоже в цари собрался?

Я взял стул, отодвинул вазу с фруктами и уселся с торца приставного стола лицом к Лёшке Казанцеву.

— А что я, рыжий?

— Ты же грек! А зачем нам ещё и грека в цари двигать?

— Я гражданин Российской Федерации!

— И что? Каждая кухарка может управлять государством?

— Алексей Георгиевич, я не каждая и совсем не кухарка.

— Ну это как посмотреть... — Казанцев ехидно засмеялся.

Он наклонился в нашу сторону и, взяв бутылку за самое доньшко, налил вино в фужеры.

— Давайте, цари, — снова засмеялся он. — Отметим наступление новой эры государственного управления.

Мы звонко чокнулись, и я пригубил бокал. Вино было вкусным. Казанцев любил вино, знал в нём толк и закупал целыми коробками.

— Сань, давай ты, — обратился он ко мне. — Что ты обо всём этом думаешь?

Я задумался. К этому моменту я уже стал понимать, что все мои переживания, все наивные мечты о троне выеденного яйца не стоят. Соискателей было так много, что выиграть в этой гонке невозможно.

— Я думаю, нас это не коснётся. Это очередное нововведение, как когда-то сенаторы, федеральные округа, полпреды, госссоветы и подобные эквилибры. Наверное, президенту хочется подстраховаться. А может быть, для начала слиться с народом, который потом выберет его. Вы же понимаете, что ни один дурак власть не отдаст. Власть — это... — Я задумался, чтобы найти удачное сравнение, но не нашёл. — Власть — это власть. Только ты её из рук выпустишь — сразу всё. Уже не ты решения принимаешь, а принимают их за тебя. И из чужих рук тебе её не достать. Волшебная палочка!

— Думаешь, всё спектакль?

— Ну не совсем спектакль. Соберут социологию. Идеями разживутся. Там в анкете есть графа про развитие государства. Все будут вносить предложения. Может быть, кто-то что-то дельное придумает. И пойдёт наше Богом хранимое Отечество к новым вершинам и горизонтам. Ну и легитимность тому, кто будет венчаться. Народ выбрал. А Бог одобрил.

Казанцев выдержал паузу, сделал глоток, с удовольствием поморщился и, откинувшись на спинку кресла, продолжил.

— А ты, Ром, что думаешь? — перешёл он к Ромке Галицкому.

— Я думаю, Александр Фёдорович прав. Они свои проблемы решают. А народ привлекают так. Чтобы не выглядело вознёй под ковром. Ну и размах! Чтобы забыть прошлое, нужно новое эпохальное событие. Выборы русского царя!

— Как ты думаешь, нужно анкеты отправлять? Как это расценят? Что ждут от чиновников?

— Пока не знаю. Не думал.

— А ты, Серёга, что скажешь?

— А я думаю, — уверенно начал Петров, — всё это — восстановление Российской Империи. Царь царём, но нужна элита. Не сброд, что трётся на экранах, а элита. Князья, графы, дворяне, чиновники. Разве может государство существовать без этой базы?

— И что, тебя князем сделают? — язвительно спросил Казанцев.

— А что? Фёдорыч уже произвёл Ромку в светлейшие. А мне графа пообещал. Они что, родню просто так запрашивают? Будут смотреть, кто какого рода?

— Саня! — прервал Петрова Казанцев. — Ты уже титулы раздаёшь?

Я улыбнулся, но промолчал.

— Всех князей в семнадцатом расстреляли или выслали за границу, — вставил Ромка.

— Ну дальние родственники есть. Есть чиновники, военные. Найдут, кому можно дворянский титул присвоить. Элите статус нужен. Князь или дворянин так, как сейчас, воровать не будет. Служить будет.

— В Российской империи это кого-то останавливало? Ты ещё дуэли введи, — усмехнулся Казанцев.

— А я думаю, что Сергей прав, — заметил я. — Дворяне не дворяне, а кадры подыскивать будут. Как там у Петра? Заполните анкету, чтобы дурь видна была? Поэтому как бы нас с наших мест не турнули.

Казанцев засмеялся:

— Ну, наверное, не только дураков вычислять будут. Умные тоже никому не нужны. Поэтому, Саня, ты не стесняйся, придурь не повредит.

Мы засмеялись.

— А меня ты кем назначишь? — Казанцев убрал улыбку с лица.

Возникла пауза. Все ждали, что я отвечу. А я сделал вид, что растерялся, и удивлённо ответил:

— Как кем? Ясно, кем! Князем—кесарем! Где же я другого найду?

Снова возникла пауза, Ромка и Петров смотрели на Лёшку, а он, видимо, не ожидавший такого ответа, замер, что-то раздумывая. Наконец, улыбнувшись, он с ехидцей спросил:

— То есть ты мной помыкать будешь?

— Кто же кесарем помыкает? Кесарю — кесарево! Князь—кесарь — это основа царства. Глубинная, так сказать, власть! Царя и убить могут, а князь—кесарь сохранит государство. Нового царя выберет.

Все заулыбались.

— Вот, Серёга! — обратился Казанцев к Петрову. — Учись! Я же говорил тебе, что ты эту должность не потянешь? Молодец, Саня! Давайте за это выпьем.

Казанцев встал, мы последовали его примеру, звонко чокнулись и выпили.

Пока мы лакомились виноградом, Казанцев достал коробку с сигарами, предложил нам, а после нашего отказа не спеша проделал весь комплекс процедур и, раскурив толстый бочонок, обратился ко мне:

— Саня! Вот ты такой умный, скажи. Что с танцором делать будем? Парень совсем рамсы попутал.

— Воробьёву давно пора на пенсию отправить, — зло вставил Серёга Петров. — Жопа в целлюлите, а бес в ребро.

— Она сейчас молодуха, — возразил Ромка Галицкий. — Подтяжку сделала. Бегает по департаментам, хочет пристроить сына лицевого хирурга.

— Это маленький такой, нагловатый? — спросил Петров.

— Ну да. Где-то уже втиснула его в кадровый резерв.

— Что? — встрепнулся Казанцев. — Саня! Я зачем тебя в конкурсную комиссию назначил? Смотри, чтобы она этого выкорыща не протащила. Головой ответишь.

— Венценосной? — подковырнул я.

— Яйценосной! — отреагировал начальник.

— Я вроде не танцор.

— Вот я и проверю!

Все снова засмеялись.

— А мне танцор понравился, — вступился Ромка Галицкий. — Удар держит. Лицо покраснело. Таких Александр Македонский в войско брал. Его перевоспитать, от старухи отмыть, и я бы его себе взял.

— И правда, — продолжил я. — Представь, Лёш (бывали минуты, когда я начинал фамильярничать), что он в твоей команде и ему чужие начальники советуют снять твои трусы со своей головы. Кто бы как себя повёл? Ром? Серёга?

— Что? Предлагаешь его переманить?

— Я думаю, он и сам не хочет вечно бабку вытанцовывать. Ну испытательный срок, карантин выдержать, в бане помыть. Или пусть подвиг совершит.

— Какой подвиг? Старуху слабительным накормит? — Казанцев, смеясь, откинулся на спинку кресла.

— Слабительное — это не подвиг, — возразил я. — Это банально.

— А что подвиг? Закатать бабку в доску? — снова рассмеялся Казанцев.

— Это надо посмотреть, кто кого закатает. Бабка — старая комсомолка. Видала она таких танцоров.

— И что ты предлагаешь?

— Ну не знаю. Надо что-то оригинальное. Что-то весёлое. По таланту.

— По таланту? Что танцор может совершить оригинальное?

— Ну танго сбавать и трахнуть старуху об пол, как в фильме.

— Не! — вмешался Петров. — Пусть в танце вскочит ей на плечи, шпоры в бок — и галопом к РOME в управление!

Мы захохотали.

— Нет, она свалится носом в пол, — вставил Ромка. — Бабка старенькая.

— Так этот, второй, пусть страшует, чтобы она не падала.

— Тогда второго тоже нужно будет трудоустроить? Нафиг он нужен.

— Ну пусть сам скачет с нею на спине. А потом встанет на дыбы... Нет! Пусть сбросит через голову!

— Это нужно с Шамилем проработать. У него фантазия бешенная...

Домой я вернулся поздно. Посмотрел, как известные телеведущие соревновались в знании истории, рассказывали многочисленные подробности из жизни императоров, приглашали каких-то придурковатых потомков, новоявленных вельмож и прочую московскую шалупонь, и пошёл спать. Жена поглядывала на меня без прежней надежды, но меня это уже не огорчало.

На следующий день в столовую я не пошёл, а созвонившись со Светкой, повёз её обедать в ресторан. Светка была моим увлечением. Увлечением, которым я дорожил. В разные минуты она напоминала мне многих героинь классических романов. Это и Оля Мещерская, и Катюша Маслова, и Джульетта, и Сашка Виля Липатова. Наверное, в каждой женщине скрыты особенности, которые открывали наши великие писатели каждый по-своему. Среднего роста, с точёной фигуркой, с полудетским красивым личиком, она излучала необыкновенную легкость.

Года три назад я купил книжицу, раскрывающую тайны гипноза, и подыскивал, на ком бы испытать почерпнутые знания. А тут как раз меня попросили посидеть в президиуме на одном из областных совещаний финансовой сферы. Полный зал красивых, ухоженных, благоухающих женщин — глаза разбегаются. Как я в этом хороводе разглядел Светку — до сих пор не понимаю. После совещания я подошёл к ней, поймал её взгляд и, как учила книжка, спокойно, обычным голосом попросил:

— Переспи со мной.

От неожиданности Светка растерялась, уставилась на меня и машинально пролепетала:

— А где?

Ещё более смутившись и покраснев, она добавила:

— Я замужем.

Когда смущение отступило и мы расхохотались, я понял, что гипноз сработал.

Дружба наша была каким-то озорством. Не было никаких объяснений, признаний. Просто нам нравилось изредка встречаться, дурачиться, ходить в театр, напиваться в ресторанах, танцевать. В постель мы улеглись только спустя пару месяцев. И то по дурости. Напились, давай целоваться. И близость эта была какой-то весёлой и даже смешной. Это тоже напоминало озорство, возвращение в беззаботный мир детства, когда проступки ещё не считаются преступлениями. Правда, после этого Светка была грустна и задумчива. Сознание произошедшего её совсем не радовало. Мы потом долго не встречались, но она позвонила первой.

Наша связь совсем не мешала семейной жизни, хотя иногда Светке приходилось применять изворотливую изобретательность, чтобы не дать мужу повод для ревности. Однажды Иван позвонил, когда мы были в постели. Светка схватила телефон и голая, прикрываясь простыней, выскочила на балкон, где шумела улица и были слышны детские голоса. Говорила она весело, то и дело направляя микрофон на детскую площадку. Муж был абсолютно уверен, что она гуляет во дворе. И подобных ситуаций было предостаточно.

В этот раз мы чудесно пообедали. Светка была необыкновенно приветлива. Рассказывала об интригах в своём министерстве, о проблемах с дочерью и несколько раз сообщила о предстоящей командировке мужа. Уже который раз она пыталась восстановить нашу постельную историю. Но я этого пока не хотел. Несколько месяцев назад я вдруг почувствовал, что она и со мной не совсем откровенна. Вы думаете, я расстроился? Отнюдь! Скорее, мне было любопытно понаблюдать за ней. Однажды, когда Иван уехал в командировку и мы ужинали в ресторане, ей кто-то позвонил. Было видно, что она с силой прижимает телефон к уху. После однозначных «да» и «нет» объяснила, что звонила соседка, что дома что-то неладно с дочерью и ей нужно срочно ехать. Я предложил вызвать такси, она отказалась. Провожая её до гардероба и помогая надеть плащ, я сунул ей в ладонь пакетик с презервативом.

— Будь осторожна. Ваню пощади.

Светка покраснела и, уставившись в пол, замерла. Постепенно напряжённость на её лице сменилась улыбкой, она вывернулась из моих рук и, глядя в глаза, нагло спросила:

— А тебя?

— Я о себе сам позабочусь, — спокойно ответил я, не отводя глаз.

Она отвернулась, поправляя воротник, и по её замедленным движениям я видел, что она не знает, что делать.

— Дурак ты, Сашка, — повернулась она ко мне, протягивая назад презерватив. — Я правда домой.

— Оставь. Пригодится.

Она презрительно ухмыльнулась, демонстративно бросила пакетик в урну и, толкнув дверь плечом, не глядя в мою сторону, ушла.

Несколько дней она не звонила. Так бывало и раньше. Но в этот раз я подумал, что больше мы встречаться не будем. Даже загрустил. Однако спустя пару недель она объявилась. Пригласила меня пообедать в какую-то забегаловку, объясняя это тем, что там отлично готовят рёбрышки. Долго я не думал, и мы снова встретились.

Светка заметно переменилась. Она была излишне вежлива и предупредительна и прямых взглядов избегала. Видимо, и моё отношение к ней изменилось. Нет, мне она была так же приятна, я так же дорожил её дружбой, мне приятно было заботиться о ней, но что-то изменилось, и это что-то никуда не уходило. Мы поели, выпили по бокалу вина. Светка иногда переходила на интимный шёпот. Я держал её ладони в руках. Договорились вечером поужинать. Но ужином всё и закончилось. Что-то всё-таки изменилось. Светка была всё та же, своя, родная, но тот эпизод из памяти не выходил. Интересно, что прежде, каждый раз отправляя её к мужу, я не испытывал ни ревности, ни брезгливости. А здесь мимолётное свидание — и всё. Возможно, это всё-таки ревность? Хотя больше походило на то, как если бы кто-то отхлебнул кофе из моей чашки. С тех пор мы по-прежнему встречались, вместе обедали, ужинали, один раз сходили в театр, но в постель я с ней не ложился. И было видно, что она переживает.

В этот раз я сам пригласил её пообедать. Она обрадовалась и примчалась, бросив всё. Несколько раз повторила, что Ивана посылают в командировку, с надеждой глядя мне в глаза. В какой-то момент мне стало жалко её, но от свидания я уклонился.

Винил ли я себя за тот эксперимент с гипнозом? Иногда очень переживал. Умом понимал, что рано или поздно Светка всё равно бы кого-нибудь нашла, но себя винил и старался как-то возместить, сделать её жизнь более интересной. Все девочки в душе принцессы. Каждая мечтает о благородном принце, который будет ей поклоняться, заботиться о ней, защищать. Увы. В жизни такое встречается нечасто. Мне бывает жаль девчонок, которым приходится подстраиваться под причудливые вкусы избранников. Однажды слышал рассказ уголовного, который делился впечатлениями от встречи со своей женщиной после отсидки. Он хвастливо рассказывал, как воплощал в жизнь свои фантазии, почерпнутые из порнофильмов, а в довершение, для полноты чувств избил подругу. Что это? Самоутверждение? Месть? Бедные, бед-

ные наши девчонки. Они, конечно, пытаются влиять на вкусы мужчин, но сделать из поганца принца не удавалось никому.

Светку я практически не воспитывал. Она чувствовала пошлость и всё ловила на лету. Наверное, я был для неё авторитетом. Возможно, помогал мой статус. Чтобы понравиться мне, на одно из наших свиданий она надела бельё, которое называют эротическим. Я долго хохотал, а потом объяснил, что шлюх не терплю, и, если хоть что-то в ней будет мне напоминать эстетику порнофильмов, утоплю её в деревенском нужнике. Мы долго хохотали, но Светка всё поняла.

Господь создал женщину совершенной! Все ухищрения зачастую опошляют её. Да, ухаживать за собой нужно, но выбривать тело, стараясь походить на ребёнка или больную женщину после операции, — это отвратительно. А набивать на женской груди татуировки? Моя бы воля, я бы всем татуировщикам руки поотрубал. А Светка на самом деле была восхитительна! Она сохранила то, что я понимаю под лёгким дыханием. Однажды у кого-то прочитал о близости без движений. У какого-то латиноамериканца. Есть там такая сценка, когда любовники лежат в кабине дальнобойщика, сблизившись, но не двигаясь, и ждут, когда их охватит чувство и накроет волна... Получалось это только со Светкой. Смотришь в её наивные глаза и видишь, как они начинают терять резкость, уплывают куда-то, невольно закрываются, и тело охватывает дрожь. Необыкновенное чувство.

Этот обед для Светки тоже закончился ничем. Я не мстил, просто пока был не готов. Я ей так и сказал. Объяснил, что ничего не изменилось, но ранка должна зарастить.

Рассчитываясь с официантом, я мысленно представил себя государем и покровительственно сказал:

— Благодарю, голубчик, — на что официант, видимо, имея в виду мизерный размер чаевых, криво усмехнулся.

Вечером снова начались бесконечные ток-шоу, привлекавшие несметное количество участников. Шоумены разбирали всё по косточкам, добывая мою мечту стать царем. Шансы таяли в геометрической прогрессии.

В четверг с утра было большое совещание, которое закончилось уже после обеда, поэтому в столовую я спустился вместе со всеми.

На этот раз народу собралось много. Как всегда, руководители расселись по интересам, по направлениям деятельности, и мы, «аппаратчики», с Шамилем, Ромкой и Петровым тоже сели за один стол. Шлюня примостился за соседним столом и к нашей беседе прислушивался.

Официантка хоть и носилась по залу, но народу было так много, что пришлось ждать. Казанцев, видимо, чтобы не скучать, через весь зал попросил меня:

— Саня, ты повтори коллегам, что ты мне про гегемона рассказывал.

Мне не очень хотелось снова вступать в споры, и я очень кратко рассказал о родственности слов «игемон», «Баба Яга», «Ягве», «маньяк», «ягненок», «огонь», «агнец» и других. Сослуживцы зароптали, из всего сказанного им понравились переставленные корни в словах «игемон» и «маньяк». Потом все переключились на арест одного из бывших руководителей, и от меня отстали.

Каждое утро я рассматривал уже затёртую газету и откладывал составление анкеты на потом. На совещаниях, ощущая себя потенциальным царём, я выслушивал докладчика, кивал головой, и докладчики, получив в моём лице единственного слушателя, начинали направлять свои послы в мою сторону, будто бы докладывали именно мне. Мне эта игра понравилась, я даже вошёл в роль важной персоны.

В четверг после совещания я подошёл к одному из заместителей губернатора и сказал, что мне понравилось его выступление. Тот даже немного опешил, но, к моему удивлению, к чертям посылать не стал, а вежливо поблагодарил. Я же, изображая из себя важного чинов-

ника, всё время пытался пришить свою родословную к какой-нибудь знатной персоне. Но на ум ничего не приходило.

Вечером жена пожарила мясо. Пили красное вино. Я люблю вино и не люблю крепкие напитки. Выпили много. Жена помогла мне раздеться, я уснул, но спал плохо. Мне и раньше снились кошмары, а в этот раз приснилось, будто бы у меня нашли заболевание головного мозга и была нужна пересадка. Я просил друзей стать донорами, но те отказывались вскрывать свои черепные коробки, и я вдруг понял, как враждебен мир и как я одинок. Казалось бы, проснувшись, я выздоровел, но мрачные мысли не покидали меня весь день.

Утром я долго стоял под душем, потом, обжигаясь, пил крепкий кофе и, когда столкнулся с сочувствующим взглядом жены, ничего, кроме раздражения, не испытал.

«Интересно, — размышлял я, — стала бы она вскрывать свою черепушку, если бы я действительно заболел? И что там у неё в этом отростке?»

После этих мыслей мне стало стыдно. Выйдя в гостиную, я на глазах у детей обнял растерявшуюся жену и нежно погладил по выпуклой спине. Чувство трепетной нежности к этому давно знакомому, родному и вместе с тем неведомому для меня существу охватило меня, и я чуть не заплакал. Она, не поднимая глаз, доверчиво терпела мои ухаживания. Так мы просто-таки несколько минут.

«Интересно, — снова подумал я, — она действительно что-то чувствует или притворяется, понимая мое состояние?»

Но жена стояла молча, склонив голову мне на плечо. И мне снова стало стыдно.

Несколько раз я пытался поговорить о конкурсе с друзьями, но те отмахивались, ссылаясь на занятость. Шлюня тоже не хотел говорить о конкурсе. То ли он помнил недожёванную говядину, то ли потому, что его еврейское происхождение закрывало ему путь на трон? Я даже пообещал оплатить ему в бассейне любимый им массаж. Но он и после такого предложения послал меня в известное место. Одним словом, переживал я в полном одиночестве.

Изнывая от бесперспективности заветной мечты, я, наверное, впервые за весь срок службы очередное предложение выехать с инспекцией в командировку принял с радостью. На следующей неделе нужно было ехать в самый дальний район с плохими дорогами и старыми объектами социальной сферы. Но я, как раскаявшийся грешник, считал, что неудобства и перемена мест излечат мою душу, и согласился.

2

В районе всё проходило по обычному плану. Сначала собрали местных начальников, и я парил им мозги о задачах региона и целях моей инспекции. Потом мы с местным мэром пообедали. Его назойливое предложение выпить водки я отважно пресёк. Мэр был татарин, и я сделал упор на то, что уважаю традиции мусульман и пьянством нашу дружбу не омрачу. Хаким — так звали мэра — шутил, кривлялся, сам выпил рюмку для почина, но я был непреклонен. Однако от вечерней бани открутиться не удалось. Традиции требовали их соблюдения.

В каждом захолустном городке у руководителя есть баня, куда он водит важных гостей. Обычно их потчуют шашлыками, которые жарит обязательно либо какой-нибудь азиат, либо кавказец. В некоторых уголках сохранили традиции коммунистического периода, когда при гостевых домиках работали скромные симпатичные женщины, находящиеся у местного начальства на особом счету. Но это было большой редкостью. И только для очень важных гостей. Обычно же чиновничью братию принимали проще. Парили, поили, кормили. Когда хмель бил в голову и возникала потребность в более широком общении, то водителя посылали за Валями и Любами, которые должны были вносить разнообразие в убогую захолустную пьянку. Дамы сначала скромничали, потом и им хмель бил в голову, они принимались кокетничать, отпускать сальные шутки и звонко смеялись, когда гость отваживался хлопать их по толстым задницам или хватать за грудь. Задачи ублажать мужиков у баб не было. Они просто помогали напоить гостя вусмерть, а потом вместе с водителем оттранспортировать в гостиницу. Совсем пьяных иногда перевозили в багажнике, предусмотрительно подстелив клеёнку. Если мужик ещё фурычил, хватал за руки и просил женщин остаться, ему уверенно шептали, что непременно вернутся.

Утром, проснувшись в чужой койке в одежде и обуви, иногда с напяленной на голову шапкой, заботливо подвязанной под подбородком, а то и со спущенными штанами, мужик понимал всю чудовищность своего положения. Тошнотворное состояние усиливали страхи, генерируемые пострадавшей за ночь печенью. Из строгого и непреклонного контролёра проверяющий превращался в жалкого, слабовольного извращенца, который весь остальной период пытался заглядеть вину и, куда его не просили, не совался.

Однажды по неопытности я тоже купился на такое гостеприимство. С главой местной администрации мы позавтракали у него в бендежке бутылкой водки, крупно нарезанным салом, луком и хлебом. Было по-домашнему вкусно и уютно. Потом председатель повёз меня обедать домой. Пока его жена—хохлушка угощала нас борщом, мы незаметно приговорили ещё бутылку водки. Потом была экскурсия по селу. Везде нас радостно встречали, угощали, дарили сувениры. На приёме граждан, который проводил глава, я, как представитель областной власти, делал строгое лицо, хмурил брови и пытался произносить умные фразы. Градоначальник при каждой моей попытке встрять в разговор пинал меня под столом ногой, но мне очень хотелось выглядеть важным. Поужинали в той же бендежке утренним салом и свежей бутылкой водки. Добрались ли мы до клуба, где хотели посмотреть концерт местной самодеятельности, не знаю. Помню лишь, что, когда я лежал под памятником воину—освободителю, какие-то люди больно растирали мне лицо и уши снегом, а потом за ноги поволокли в неизвестном направлении. Ночью я проснулся от нестерпимой жажды, и, не найдя воды, не одеваясь, в трусах выскочил на улицу в поисках колодца. До сих пор помню, как в одних носках карабкался по намёрзшей наледи и жадно пил обжигающую холодом воду из помятого оцинкованного ведра. А потом долго бегал по улице в поисках дома, откуда вышел.

Этот урок я запомнил хорошо. И когда спустя какое-то время был приглашён в это же село на открытие плавательного бассейна, купившись на радушный приём, уже разделся было и хотел опробовать водичку, как вдруг заметил, что в подсобке режут сало и из пакетов достают

водку. Недолго думая, я схватил одежду в охапку и кинулся к выходу, дико крича водителю: «Заводи!» Хозяин, поняв, что я могу ускользнуть, выскочил из подсобки и, несясь за мной, не менее дико кричал:

— Куда? Водила, б... , тормози! Машину держите, машину!

Но мой водитель, хохоча, ошалело жал на газ, и я видел, как глава остановился, всплеснув от неудачи руками.

Поэтому я был стреляным воробьём и на разные уловки уже не вёлся. Правда, в этот раз мне самому хотелось выпиться и забыться. Поэтому в баню я пошёл.

В предбаннике стол был накрыт магазинными деликатесами. Из холодильника татарин вытащил две банки пива и большую бутылку дорогой водки:

— У нас всё как полагается. Щем мы хуже других?

— Хорошо, поставь всё назад. Пойдём сначала попаримся, — предложил я.

Дерево в сауне было светлым.

— Когда баньку запустили? — спросил я.

— Отремонтировали. Та подгорела, щёрная была. Только доски поменяли.

Мы долго сидели, роняя капли пота на свежий деревянный пол. Татарин ёрзал, видимо, для него было слишком жарко, и, не дожидаясь меня, выскочил.

— Наверное, татарам париться непривычно. Это мы, идиоты, греем себя до бессознательного состояния, чтобы потом насладиться прохладой.

Выскочив в предбанник, я дёрнул за веревку подвезанный к потолку ушат, и меня окатило ледяной водой.

— А-а-а! — заорал я, ёжась и туся ногами.

Хаким широко улыбался и наливал водку из запотевшей бутылки. Подняв рюмку, он произнёс:

— За твой приезд! Щтобы всё у нас было хорошо! Щтобы мы были здоровы, и семьи, и дети!

Я тоже взял рюмку, мы чокнулись, и я мелкими глотками выпил.

— А! Хорошо! — Татарин был очень доволен.

— Да! Славно! И водка отменная!

— Всё как полагается для дорогого гостя! — подхалимничал Хаким. — Разве мы можем лисо в грязь ударить? — перековеркал он поговорку.

Шашлык принесла средних лет женщина. Не стесняясь нашей наготы, она заботливо уложила шампуры на большое блюдо и посыпала сверху нарезанным репчатый луком. Пожелав приятного аппетита и поклонившись, она, забрав пустые банки из-под пива, ушла.

— Кто это? — спросил я.

— Директор ресторана, — ответил Хаким.

— Что? Сама, что ли?

— Гость дорогой, никому порущать не хочет.

— Ну ты их тут выдрессировал!

— А как же? Порядок должен быть.

Потягивая после водки пиво, я вспомнил присказку о том, что пиво на вино — это говно, и засмеялся. С тех пор как прочитал где-то, что говно снится к богатству, я не стеснялся об этом думать, а при случае так и произносить. Улыбнувшись, я потянулся к водке, чтобы снова налить, но Хаким радостно перехватил мою руку и налил сам.

— За гостеприимство! За дружбу города и деревни! — произнёс я.

Но Хакиму этого показалось мало, и он добавил:

— За мужскую надёжную дружбу!

Я усмехнулся и, морщась, выпил.

— Скажи, Хаким, — начал я издалека. — Ты в конкурсе на царя участвовать собираешься?

— А зачем мне это надо? — закусывая, ответил татарин. — Я и так здесь сарь!

Он засмеялся.

— Да. Ну всё-таки? Это же вся страна подчиняться будет! — приставал я.

— Не, это вы там, русские, разбирайтесь, кто сарь, а кто не сарь. А наше дело маленькое, мы тут сами сари и никого не трогаем. Зачем сарь? Нет! Нам это не надо.

— А народ как? Спрашивают? Консультируются?

— Один приходил, спрашивал. А я говорю, какой ты сарь? Там всё уже решено, кто тебя слушать будет? Иди давай. Не позорь нас. Потом скажут мне, что порядка нету. Сарь! Там своих сарей хватает. Ещё и ты туда. Иди, говорю, пока в морду не дал.

— Что? Так прямо в морду?

— Ну сам не дам, есть кому дать. Нельзя баловать, понимаешь? Сначала один сарь, потом другой. А кто навоз возить будет? Нет, мне в районе сари не нужны.

— Ну это ты прав. Навоз нужнее.

Я стянул с шампура кусок баранины, разрезал на кусочки и попробовал.

— Ну а почтарь что говорит? Были письма в Москву, на конкурс?

— Не знаю. Не интересуюсь. Были бы, сказал бы. А так сели в автобус и в городе отправили. Откуда я буду знать. Я за это отвечать не могу.

— Да я не из-за ответственности спрашиваю. Интересно просто.

— Интересно? А сам водощку со мной пить отказывался. Значит, плохое на уме имеешь. Давай ещё выпьем, тогда будем говорить.

— Ну давай. Днём водку не пьют. Поэтому и не стал.

— Это в городе не пьют. А у нас всегда пьют. За твоего губернатора давай выпьем. Хороший щеловек. Дорогу нам построил.

— За губернатора? Давай!

Я снова пошёл в парную, но париться не хотелось. Татарин словно поджидал меня в предбаннике и тут же принялся наливать.

— Кто ж поверх шашлыка водку пьёт? — отбрёхивался я.

— Нищего. Она путь найдёт. Раз приехал, отдыхай! Пей, парься, веселись. Щто тебе ещё в районе делать? Хочешь, с женщиной познакомлю? Ты скажи. У меня хорошая женщина есть. Русская. Без мужа живет.

— А почему русская? Ты женщин по национальности делишь?

— Нет-нет, что ты... Есть и татарка. Только постарше. Татаркам нельзя. В городе они могут знакомиться, а в районе нельзя. Родня увидит. — Хаким говорил это, словно оправдывался. — Есть две разведёнки симпатищные. И вдова есть. Только они с русским могут не пойти.

— Да перестань ты. Что за рынок невольничий.

— Давай выпьем. Всё равно завтра в конторе плохое искать будешь.

— Успокойся ты. Не буду ничего искать. Приехал отвлечься, работа совсем замучила.

— Ну так бы сразу сказал. Всё будет. Рыбалка будет, баня будет. Хочешь, сейщас женщину позовём? Для веселья?

— Нет. Давай выпьем ещё по одной, и я пойду спать.

— Давай. Давай, дорогой! Отдыхай. У нас тихо. Отдохни.

В номере для важных гостей висел огромный телевизор. Изображение было отменным. Я выглянул в окно: так и есть. На стене была установлена спутниковая тарелка. Скинув туфли, я развалился на диване и принялся скакать по огромному множеству каналов. В дверь постучали. Свесив ноги, я принял сидячее положение:

— Да-да. Войдите.

В номер зашла небольшого роста пожилая татарка в длинном платье, тапочках и шерстяных носках, надетых на хлопчатобумажные колготки. В руках у неё была большая тарелка с только что помытыми яблоками и две бутылки воды.

— Я на стол поставлю, не будет мешать? — спросила она совсем без акцента.

— Нет, не будет, — ответил я, с интересом разглядывая немолодую женщину с приятным и умным лицом.

Поставив тарелку на стол, хозяйка вынула из шкафа тряпочные махровые тапочки, поставила у моих ног, а туфли убрала в шкаф.

— Что-нибудь ещё нужно?

— Нет. Спасибо, — поблагодарил я.

Женщина поправила салфетку на крошечной тумбочке и уже собралась выйти, когда я спросил её.

— Как вам тут живётся? У вас семья, дети, внуки?

— Да, живём нормально. И дети, и внуки есть.

И выдержав из вежливости секундную паузу, она вышла из комнаты, уже за дверью произнеся: «Отдыхайте».

Я встал, чтобы закрыть за ней дверь, но ни ключа, ни щеколды не было.

— Вот оно, ноу-хау. В любое время жди гостей.

Я снова посмотрел в окно, где были видны верхушки деревьев с жёлтыми по-осеннему листьями, сел на диван, взял мокрое яблоко, стряхнул капли на пол, хотел было укусить, но передумал и прилёг, положив голову на крошечную подушечку. Привычка засыпать под звуки либо телевизора, либо радиоприёмника, либо под разговоры взрослых выработалась в детстве, когда мы жили в крошечной квартире и своего пространства у меня не было. Но сейчас я понимал, что выключить телевизор будет некому и через какое-то время я проснусь, заново уснуть не смогу и завтра буду ходить с чугунной головой. Я хотел встать, выключить телек, но всё откладывал, пока не уснул.

Проснулся я от стука в дверь. В приоткрытой двери торчала голова Хакима. Он тянул шею изо всех сил, пытаясь увидеть меня поверх стола.

Я свесил ноги и снова сел на диване.

— Заходи, Хаким. Что случилось?

— Ты как себя чувствуешь? Хозяйка говорит, лежишь в одежде. Всё в порядке?

Я протёр глаза и помотал головой.

— Да, нормально всё. Вздремнул немного.

— Это хорошо — после бани подремать. Значит, баня на пользу пошла. А мы вот решили зайти к тебе, поведать. Вдруг что не так.

Он вошёл, неся перед собой бутылку французского коньяка, а следом за ним появилась молодая красивая барышня, непонятно каких кровей, одетая в облегающее платье изумрудного цвета и на высоких каблуках. Барышня на вытянутых руках держала широкое блюдо, на котором была выложена нарезка, такая же, как в бане.

— Вот, смотри, хороший коньяк. Спать будешь крепко, дорогой. Там в городе у вас не отдохнешь. А у нас здесь тихо, ешь, пей.

При виде барышни я немного смутился. Женщина была молодой и на удивление красивой, а едва заметные восточные черты добавляли ей особый шарм. В отличие от румяной и курносой Светки барышня была слегка смугловата и, если бы я был не в татарской деревне, вполне сошла бы за итальянку или испанку. Была видна ухоженность, хороший вкус, особенно поразили духи. По духам о женщине можно сказать многое. Обычно дамы портят себя какими-то придуманными запахами, а здесь аромат был едва уловим и только подсвечивал красоту и

свежесть красавицы. Такая барышня в деревне и ещё у меня в номере?! Это больше походило на провокацию.

— Хаким, родной! Спасибо тебе за гостеприимство. И за угощение. Но я немного устал. Зря ты всё это...

— Извини, дорогой! Извини. Но мы на две минуты по делу. Это моя племянница. Она у тебя на совещании была. Никуда не уходит, просит встретиться. Сына просит в кадетское училище устроить.

На сердце у меня отлегло. Да, барышня была с восточным отливом, но на Хакима совсем не походила. «Разные виды, — подумал я. Эта породистая, утончённая, с чуть-чуть смуглой, мраморной кожей, в отличие от бронзового мэра». Я немного поколебался, но, сделав горестную гримасу, повернулся к столу и согласился.

— Ну давайте, что у вас?

Хаким поставил бутылку на стол, выдвинул стул, усадил женщину, взял с подноса с графином два стоявших там стакана и крикнул в сторону двери:

— Аклима...

Тотчас в проёме появилась пожилая татарка в шерстяных носках.

— Аклима, принеси фужеры, вилки, салфетки. Посмотри, что там ещё надо.

Женщина исчезла, а Хаким с довольным видом принялся открывать коньяк.

— Хаким, — попытался я отговорить мэра. — Не надо на ночь. Мы с тобой так чудесно посидели, попарились. Это лишнее. Я же сказал, что никаких подвохов не будет. У тебя в районе всё нормально, показатели хорошие, ты зря беспокоишься.

— Я знаю. Но ты сам говорил, что проверять не будешь, а сам расспрашивать хочешь. Хозяйка сказала, что спрашиваешь, как люди живут. А что люди скажут? Один умный, правильно скажет, а другой скажет, что Хаким плохой человек, что родне помогает и сам ворует. Что люди могут сказать хорошего?

— Ах, вот ты о чём. Да оставь ты это. Так, к слову пришлось. Не волнуйся. Район у тебя хороший. Доносов никто не пишет, замы не подсиживают, в область с жалобами не ездят. Сказал же, что ничего проверять и писать не буду. Я тебе обещаю, поэтому оставь эту тему. Хватит.

— Хватит. Хватит. Давай выпьем по рюмочке, и отдыхай. И мне спокойно будет.

— Ну давай, давай.

Мне совсем не хотелось пить, но я понимал, что он не отстанет.

— Давай сделаем так: ты сам напиши справку, пусть экономисты составят — и на флешку. Я дома подредактирую и сдам отчёт. Ты мне только списки ломов подготовь. Свежие.

— Каких ломов? — не понял мэра.

— Ну этих, лидеров общественного мнения. Кто у тебя самый активный? Кого люди слушают? Кто авторитетом пользуется?

В моей просьбе Хаким почувствовал опасность:

— Зачем лидеры? Выборы будут, там и решать надо. Зачем народ бунтовать? Ты ему скажи, что его область в лидеры сделала, он и нащёпёт права кашать. Нет, дорогой. Не надо такие списки.

— Вот я тебе и говорю. Ты включи в список тех, кто для района полезен. Кто говорить умеет. Вот и эту красавцу включи. С такими соратниками тебе никто не страшен.

Хаким задумался.

— Ладно, я составлю.

— Вот и замечательно. Я же говорю, что никто под тебя копать не будет. Царствуй на славу, — засмеялся я.

Мэр тоже засмеялся, но смех его был притворным и совсем не радостным.

Хозяйка принесла три цветных фужера, помытых, но не протёртых, и от того не очень прозрачных. Положила каждому бумажную салфетку и на неё вилку. Пачку салфеток засунула в стакан, замерла на минуту, оглядывая стол, и ушла.

Хаким наполнил фужеры на треть, взял один из них и торжественно встал:

— Я хочу выпить за дружбу. За мужскую верную дружбу.

— Давай, Хаким. — Я тоже привстал. — Давай ещё раз за дружбу. Дружба — она потому и дружба, что подставлять друзей, хитрить с ними — последнее дело. Один раз обманешь — тебе никто больше не поверит. Репутация, Хаким, — это наше с тобой достояние.

— Что ты, што ты, дорогой. Кто подставляет? Што ты... Я от щистой души, щобы тебе хорошо было. Никто тебя не обманывает.

— Ты ещё скажи, что это в самом деле твоя племянница? — с иронией усмехнулся я.

— Племянниса, не племянниса — у нас в деревне все родня. И она родня.

— Красивая у тебя родня. Очень красивая, — примирительно успокоил я его. — Больше скажу. Перед такой роднёй трудно устоять, чтобы не породниться со всей деревней.

Хаким сначала улыбнулся, а когда до него дошёл смысл сказанного, засмеялся не стесняясь, так, как над сальными шутками смеются солдаты в казармах.

— Такая родня — пощётная родня! Породниться с таким щеловеком — это большая щель, — говорил он вкрадчиво, косо поглядывая на покрасневшую от такого хамства барышню. — Такой щеловек и калым большой заплатит.

Он снова засмеялся.

Барышня сидела, молча краснея, и смущённо улыбалась, держа в ладонях бокал с коньяком.

— Хорошая женщина. Хорошая, добрая, в садике работает... — продолжал подхалимничать Хаким.

— Да хватит. — Мне было уже не смешно. — Вогнал девчонку в краску. Она сама-то говорить умеет? Как вас зовут? — вежливо спросил я.

— Гуля, — тихо произнесла барышня. — Айгуль.

— Какое красивое имя. «Лунный путь», «лунная дорожка». Ай кале...

— Нет, правильно «лунный цветок».

— Ну это более позднее. Потом расскажу. Вы, пожалуйста, не обижайтесь. И не смущайтесь. Это мы с Хакимом Шахисламовичем о своём.

Барышня, не поднимая глаз, усмехнулась.

— Вы без мужа живёте? Сыну сколько лет?

— Да, без мужа. Как вы догадались?

— Ну это несложно. Кто бы отпустил такую красавицу на встречу с мужчиной? Да ещё в гостиницу?

Барышня посмотрела на мэра и усмехнулась:

— У меня есть надёжный защитник.

— Кроме того, такими духами замужние женщины редко пользуются.

— Что, плохие?

— Наоборот. Чудесные. Тонкие... Непередаваемо... Так сколько лет сыну?

— Уже шесть.

— Совсем маленький. Воспитательницей работаете?

— Нет. Методистом. Я пединститут заканчивала.

— О! У нас учились? А в каком году? Заочно?

— Да. В городе. Сначала на очном, а потом перевелась. Закончила три года назад.

— Рожали в институте? Академ брали?

— Да, на втором курсе. Но академ не брала. Справилась. Родители помогли.

Последнюю фразу барышня произнесла так печально, что больше расспрашивать не хотелось, и воцарилось молчание. Молчал и мэр, глядя куда-то в окно.

После паузы я вспомнил о наших танцорах и наугад спросил:

— Интересно. А Виктора Устинова и Володю Заикина вы не знали? Они тоже пединститут заканчивали.

Женщина вздрогнула, подняла глаза и в упор вопросительно посмотрела на меня. Помолчав, она ответила:

— Кто же Виктора не знал. Знала.

Она выдержала паузу и как-то язвительно добавила:

— Кто же его не знает.

— Что, тоже были влюблены? — удивлённо усмехнулся я.

— Не я одна, — всё так же язвительно усмехаясь, ответила барышня. — Вы, наверное, осведомлены?

И тут я всё понял.

— Да, Виктор и сейчас красавец, а студентом, наверное, был неотразим?

— А вы его откуда знаете?

— Так он к нам в правительство пролез. Одну бабу вытанцовывает. Вместе с Заикиным.

— И этого валенка за собой тащит? — презрительно усмехнулась Айгуль.

Я набрался смелости и спросил в лоб:

— Сын у вас от него?

Гуля, глядя в окно, помолчала и потом, вздохнув, ответила:

— Я его на деда записала.

Я замолчал. Хаким тоже молчал, всё так же глядя в окно. Так и сидели мы, держа в руках коньяк и думая каждый о своём.

— А почему на деда? — прервал я молчание.

— Папа умер. Онкология. Здесь у нас авария была на атомном заводе. Многие болеют и умирают. Сына лучше увезти отсюда.

Снова воцарилось молчание.

— Дед тоже в прошлом году умер, — тихо продолжила Айгуль.

— В городе детей одних отпускать нельзя. Особенно девочек, — прервал молчание Хаким. — В городе девочек никто не бережёт. Она у нас первая красавица. Деду какое горе было.

Гуля подняла глаза, с какой-то горестной иронией улыбнулась и, приподняв бокал, не чокаясь, выпила всё до дна.

Хаким последовал её примеру, и я тоже. Стараясь сгладить ситуацию, я начал нести какую-то чушь:

— Вы слишком-то не горюйте. История обыкновенная. Вы молоды, красивы, у вас сын есть. Образование. Мама. Работа. Редко, когда всё сходится. При желании найти достойного мужчину для вас никакого труда не составит. Такие женщины одиночками не бывают. Когда вы вошли, даже у меня, не буду скрывать, разные мысли в голове закружились.

При этих словах Гуля усмехнулась и опустила голову. Снова воцарилось молчание.

— Так в чём ваша проблема? Разве таких маленьких в кадеты берут?

— Есть кадетские классы, где уже с семи лет принимают. А моему семь следующим летом будет.

— Ну хорошо. Я попробую. Вам только у нас в области, или вы мечтали о столице?

— Нет. Ездить в столицу мы не сможем. Нам бы поближе. Он уже из детского возраста вырос, ему нужна крепкая рука, мужская рука. А когда бабайка умер, бабушка стала его баловать.

При слове «бабайка» я улыбнулся. Увидев это, улыбнулась и Гуля.

— Да, для нас «бабайка» — дедушка, а для вас страшилка. Дед русским был, но всё равно бабайка.

Хаким взял бутылку и хотел снова наполнить бокалы, но я строго сказал:

— Всё, Хаким, баста. Ты мои правила знаешь. А то, что пришли, — молодцы. Такие истории роднят больше, чем застолье и прочее. Давайте так. Я всё узнаю, посмотрю, чем могу помочь, и позвоню. А вы мне пока на почту данные сбросьте. Позвоните секретарю, она адрес даст. Ну а сейчас всё, прощевайте, гости дорогие, рад был познакомиться. И закуски заберите, запахи меня раздражать будут.

Когда гости пошли к выходу, я с иронией спросил:

— Гуля! Надеюсь, Хаким Шахисламович тебя не обижает? Мы знаем его как человека глубоко порядочного. Всегда его в пример ставим.

— Ну что вы... Он намного лучше, чем даже вы о нём думаете. В районе люди на него молятся.

Прощаясь, я прикоснулся к барышне щекой, вдохнул запах духов и подумал, что обладать такой женщиной — мало. Такую нужно покорять, влюблять в себя. А просто посидеть, хоть и в красивом кресле, — это пошло.

На следующий день была рыбалка. Жгли костёр, какой-то кавказец жарил шашлыки. Водку пили до полной темноты. В баню я не пошёл, а в гостинице сразу уснул и спал богатырским сном. В четверг перед отъездом мэр повёз меня на рыбзавод, где коптили сырца и прочую местную мелочь. Там мне набили этой рыбёшкой пакеты и заполнили багажник служебной машины. Борьба с такими подношениями было невозможно: это было традицией. Один пакет я подарил хозяйке гостиницы, два попросил передать в детский сад, дал рыбы и водителю, оставив себе только один пакет с изумительно вкусным деликатесом.

3

Когда я вернулся, всё пошло по устоявшемуся руслу, и о конкурсе и своих переживаниях я вспоминал скорее с иронией. Я бы, наверное, так и не пошел в цари, если бы не одна случайность.

На Петрова, того самого начальника архива, поступила жалоба. Какой-то гражданин Царёв жаловался, что ему выдали неточные архивные справки о его происхождении. Разбираться с архивистами послали меня. В присутствии Царёва Петров объяснил, что копии всех имеющихся документов Царёву выслали. Записи о его предках прерываются на третьем колене. И те, что известны, были либо уголовниками, либо сосланными.

— Вот именно, что ссыльными, — крикливо доказывал Царёв. — Потому и сослали, что они могли претендовать на престол! Вы что? Историю не знаете? Я потомок Петра Великого! У меня те же заболевания! Посмотрите, вы видели памятник Петра? А теперь посмотрите на меня... — И он вытягивал шею, крутя своей лысой башкой.

«Идиот! — подумал я. — Точно, больной. Какой Пётр? Все дебилы в цари собрались. Слава Богу, без меня!»

По традиции мы с Петровым попытались спустить конфликт на тормозах, пообещав светлое будущее и всенощные поиски. Но не тут-то было. Мудо с такой уверенностью доказывал своё царское происхождение, что мне невольно стало казаться, что что-то в нём есть. Что-то шемякинское. Бледная рожа, какой-то надменный взгляд. Мелкие, болезненные черты лица. Белые, как у ребенка, ручки с тонкими, прозрачными пальцами... И вдобавок Царёв?

«Может, все психи так выглядят? — думал я, разглядывая заявителя. — Пётр ведь тоже был с маленькими ручками и с придурью?»

— Ну где я вам возьму подтверждение, что вы потомок Петра? Где?! — уже срывался на крик Петров. — Вот, смотрите, это все документы о вашей родне. Больше ничего нет.

— Доказательства могут быть косвенными. Где-то в других документах упоминается? — не унимался Царёв. — Какие ещё у вас есть документы?

— У меня документов — двадцатипятиэтажный дом! — уже кричал Петров. — При чём здесь вы?

— Вот и проверьте, где упоминаются Царёвы, — пищал тот.

— Да вы охренели, что ли? — уже не выдержал Петров. Вы что? Один такой Царёв? Да вас, Царёвых, как собак нерезаных.

— Подожди. — Я взял Петрова за рукав. — Давайте так. Какие документы вы, гражданин, хотите получить: номера, даты, названия? Мы вам всё выдадим. Всё, что вы запросите, мы вам выдадим. Но заниматься розыском — это не наши полномочия. Вы можете нанять детективов, историков, а мы можем только отрабатывать ваши заявки. Скажете дать вам копии каких-то реестров, мы вам выдадим. А расследование в наши обязанности не входит. Понимаете? — вдалбливал ему я.

— Мы архив, а не бюро расследований, — подхватил Петров.

— Подожди, — снова одернул я его, — гражданин вправе обратиться к нам, но он должен дать нам какие-то реквизиты документов. Скопировать все документы с упоминанием Царёвых мы можем?

— Так это будет тонна бумаги!

— А на цифровых носителях? У вас же есть что-то?

— Ну да, можем. Но, во-первых, что, если это не его родственники? Там могут быть персональные данные других людей. А передача чужих данных — это преступление. Тюрьма! Во-вторых, ему же нужно заверенное архивом подтверждение его родства с царём! — Петров

орал уже на меня. — Где я возьму доказательства, что один Царёв — родственник другого? Ты, что ли, свою подпись ставить будешь? Ставь, а мне на хрен это не нужно!

— Товарищ, — снова обратился я к Царёву. — Вам нужны копии документов или подтверждение вашего родства с Петром Алексеевичем Романовым?

— Конечно, подтверждение. Заверенное. А что я напишу в анкете? Мне же нужно написать, откуда я это знаю.

— Да в анкете можно написать всё что угодно. Что ты внук царя, его зять, тесть или хрен собачий. — Петров явно нарывался. — Я вон написал, что подтверждённых данных нет, но в семье существовало предание, что мы царского рода. Они же генетически будут проверять, неужели не понятно...

Я взглянул на Петрова:

— Серёга, а ты что? Отправил анкету?

— Конечно. Давно уже. И я, и Ромка, и Шамиль, — раздражённо ответил он. — Все уж давно отправили. А ты что, не отправил?

— Нет. Это же всё глупость?

— Какая глупость? Это государственное дело. А вдруг в генах найдут сходство? Может, я родственник князя или графа какого? Может, дворянство присвоят?

От неожиданности я остолебенел:

— А что мне не сказали?

— Так все думали, что ты тоже отправил. Ты на прошлой неделе где был?

— В область ездил...

— А, чёрт, тебя же не было. Извини. Мы всю неделю заполняли и в пятницу все отправили. Фельдом.

— Так мне когда вы подтверждение дадите? — вмешался Царёв.

— Сейчас, подождите — отмахнулся я. — Серёж, а там какой срок подачи?

— Да, вроде месяц.

— А какие справки нужны?

— Справки не нужны. Нужны реквизиты документов, паспортные данные всех, кого помнишь. Я думаю, они через центральный архив проверять будут. Ну а потом, скорее всего, генетическую экспертизу будут делать. Если какие-то подтверждения будут.

Меня стала охватывать паника:

— А какого закон опубликовали?

— Четырнадцатого вроде? Десять дней осталось.

Я стал лихорадочно вспоминать, какие документы требовалось указать в анкете.

— Да ладно, Фёдорыч, там ничего сложного, — оправдывался Петров. — За неделю успеешь всё собрать...

— Как за неделю? Четырнадцатого нужно отправить, или они четырнадцатого уже не будут принимать заявления?

— Да хрен его знает. Надо в положении посмотреть.

— Не могли сказать, что ли?

Смешанное чувство обиды и злости нахлынуло на меня.

— Вы мне ответьте, — снова влез Царёв. — Вы в первую очередь должны дать документы мне. Мне тоже нужно заполнять анкету.

Он встал между нами, вцепился в мой рукав и нервно цедил слова, едва шевеля поджатými губами. Из его рта шел омерзительный запах. Этот запах меня добил.

— Гражданин Царёв, — отстранившись от него, начал я официальным тоном, — кто вам разрешил войти в хранилище с документами? Вы что тут выведываете? Выйдите, пожалуйста, и ожидайте вместе со всеми.

Но Царёв вцепился мне в рукав и к выходу идти не хотел.

— Я кому сказал?!

Я был взбешён, и злость из меня рвалась наружу.

— Вы почему хулиганите, гражданин? — орал я во всю мощь своего командного голоса.

— Вы что здесь делаете? Вы почему смотрите документы с чужими персональными данными?

Царёв оторопел, но потом скуксился и заорал, как это делают скандальные бабы:

— Никакие данные я не смотрю. Меня вызвали по телефону. Это вы меня вызвали!

Он так вонюче дыхнул мне прямо в лицо, что я не выдержал:

— Не дышите мне в лицо, у вас изо рта говном воняет!

Я вытянул вперёд руку, чтобы он ко мне не приближался, и вытащил из кармана носовой платок.

— Каким говном? — оторопел Царёв. — Вы что себе позволяете?

Он отпустил мой рукав и встал в позу оскорбленного человека.

— Нужно дома лечиться, а не ходить по государственным учреждениям и распространять заразу.

— Вы что себе позволяете?! — снова повторил Царёв. — Это не заразно! — Он произнес это так, будто вонь была его достоинством.

— Фёдорович! Ты что? — растерянно смотрел на меня Петров.

— Что-что! Ты понюхай, как от него говнищем несёт!

— Вы меня не оскорбляйте, — стал наскокивать на меня Царёв.

Он отталкивал мою руку, а я снова выставлял её, чтобы не подпускать его и держать дистанцию. Мы начали толкаться руками, будто играли в какую-то игру. И тут Царёву удалось схватить меня за мизинец. Он стал им трясти, а я, пытаясь вырвать палец, сильно толкнул его другой рукой. Он попятился, споткнулся о стул, потерял равновесие и рухнул под стеллаж, опрокинув на себя кучу бумаг.

— Фёдорыч! Вы что делаете? Вы что, охренели, что ли?

Петров кинулся помогать Царёву подняться, но отшатнулся и только произнёс:

— Фу-у, ну и вонь!

Он достал платок из кармана и закрыл им лицо.

Царёв с трудом поднялся и официальным тоном обиженно произнес:

— Я требую, чтобы мне выдали документы. Я на вас в суд подам.

— Я вам всё объяснил, выйдите из кабинета, — так же официально произнес Петров, прикрывая лицо платком.

Я открыл дверь и жестом показал Царёву, что он должен уйти.

— Я буду жаловаться! Я это так не оставляю.

Он отряхивался и медлил, видимо, считая унижительным подчиниться нашим требованиям.

— Жалуйтесь, это ваше право. Выходите. В коридоре отряхнётесь. Не распространяйте заразу, здесь люди работают, — настаивал Петров.

— Вам же сказали выйти из кабинета, — снова командным голосом громко приказал я.

— Вы что? Русский язык не понимаете? Царь хренов!

Я поднял упавший стул и ножками стал подталкивать Царёва к выходу. Но Царёв отбивал мои атаки руками. Тогда я просунул ножки стула ему под мышки и с силой вытолкнул его в коридор. Снова чуть не упав, Царёв схватился за стул, вырвал его из моих рук и поднял вверх. В это время я услышал, как щёлкает затвор фотоаппарата в телефоне Петрова.

— Всё! Я сейчас распечатаю всё, что вы здесь вытворяете, и посажу вас на пятнадцать суток. Что вы тут драку устроили? Стульями кидаетесь, — произнёс Петров.

— Нужно наряд вызвать, — подхватил я, восхищаясь Серёгиной находчивостью.

При этих словах в Царёве что-то дрогнуло.

«Бойтся», — подумал я. И уже вслух продолжил:

— Сергей Михайлович? Я сейчас его до выхода провожу и попрошу охрану задержать, пока полиция не приедет.

Я растопырил руки и, слегка присев, пошёл на Царёва, будто желая поймать его.

На Царёва это подействовало. Бросив стул, он попятился, потом развернулся и быстрым шагом пошёл к выходу.

— Стойте! — нарочито строго говорил я ему вслед, слегка топая и делая вид, что преследую.

Но Царёв уже не оглядывался и, дойдя до лестничной клетки, быстро побежал вниз.

Когда я вернулся, Петров доставал из сейфа бутылку коньяка и стаканы.

— Ну Фёдорыч! Устроил ты мне разбор полетов. Этот поддонк теперь на нас обоих телегу накаатает. Давай продезинфицируемся.

Он разлил коньяк и стал греть гранёный стакан в руках.

— Не напишет. А ты, Серёга, молодец! Я бы не додумался.

— Вонючий гад! Точно ведь напишет! Ты тоже устроил тут кордебалет! Ну давай, за службу!

Медленно смакуя, он выпил.

— Да, ладно тебе, Серёжа! Вы вон меня кинули с анкетой. Это ничего? Козлы вы! Друзья, называется.

— Ну извини. Как заполнять стали, так каждый о себе думал. Извини. Я, честно, не подумал про тебя. Теперь вот ещё с этим идиотом нужно будет разбираться. Точно ведь напишет кляузу.

— Не бойся. Жалобу разбирал я. Я и отвечу. Ты только фотки не сотри. Надо распечатать заранее.

Я тоже с удовольствием выпил.

— Хороший коньяк! Дорогой?

— Нет. «Барон Отгард». Но ничего, мне тоже нравится.

— Да, хороший, — повторил я.

Вылив остатки коньяка в рот и смакуя, я добавил:

— Классный! А говно, Серёга, — это к деньгам. Есть примета такая. Ладно, я пошёл. Не суетись, альбатрос! Скоро графьями будем!

Мы обнялись, стукнулись ладонями, и я ушёл.

Обедать я поехал домой, собрал все имеющиеся документы и, вернувшись, весь оставшийся день следил, как Настя снимает с них копии. Бланки анкеты мне распечатали на плотной бумаге. Это чтобы не истрепались, когда буду править. Хотел расспросить Ромку Галицкого, но тот весь день проводил совещания, а Шамилька явно хитрил, когда говорил, что не помнит, что он там заполнял. Ясное дело. Это конкурс, и соперничество началось!

Вечером, разложив всю пачку документов на столе, вставив чернильную капсулу в подаренную мне ручку с золотым пером, я долго сидел, не зная, с чего начать.

«Ну какой я царь? — думал я. — Дед из крестьян. Из крымских греков. Его предки считались землепашцами. Что это за сословие — землепашцы? Крепостные крестьяне? Хотя греки вроде крепостными не были?»

Про мать совсем мало что знаю. Она умерла рано, и даже фотографии не помогают мне что-то вспомнить».

Перебирая горести, я подошёл к большому зеркалу и стал рассматривать свою физиономию.

— Да, это не Ромка Галицкий. И даже не Царёв!

Породистым назвать меня было трудно. Хотя если посмотреть рожи средневековых царей, то там вообще все уроды. Я хоть на древних греков похож.

Разглядывание мне настроения не добавило, пришлось прибегнуть к верному средству его поднятия.

Выпив, я принялся рассматривать семейный альбом. На душе потеплело. Вот я — пограничник, с автоматом и в зелёной фуражке, натянутой на круглую, лысую башку.

— Царь, твою мать! Королевич хренов!

Мне вдруг стало так смешно, что на мои закатывания прибежала жена. Красавица с побитой целлюлитом задницей тоже на царицу не походила. Это ещё больше рассмешило, и я захотел так, что жена обиделась и хлопнула дверью.

Ещё приняв на грудь, я улёгся на диван, устало потянулся и сам себе громко сказал:

— Да и хрен с ним! Не выберут, так не выберут.

Ещё немного помечтав, я безмятежно заснул.

Весь следующий день я посвятил розыскам своих родственников. Картина была пёстрая. Поначалу это огорчало, а потом меня осенило:

— Точно! Чем больше намешано, тем большая вероятность того, что какой-нибудь царёк там затесался! — рассуждал я. — Кто его знает, с кем якшались мои предки?

Прадед по матери был казаком. В 1938 году смылся от НКВД. Когда соседская девчонка прибежала огородами предупредить его, он из избы выскочил в одних подштанниках и, не седлая коня, теми же огородами вдоль Иртыша ускакал по талому снегу. Это мне сто раз рассказывали. Казацкий опыт передавали. Казацкий опыт — это, конечно, большое дело, но при чём здесь царь?

А другая ветка? Древнегреческие прашуры? Они до Крыма где тусовались? С Александром Македонским мир завоёвывали? Тут можно придумывать всё что угодно. Царевен тогда в плен брали пачками. Могла и моим какая-нибудь достаться? Да и прабабка могла Александру приглянуться!

— Да! Правильно! Всё равно никто не проверит, — решил я и принялся сочинять своё генеалогическое древо.

На самом верху пирамиды я поместил себя. Вниз пошли две ветки отца и матери. Тут ничего не придумаешь. Тут царей не было. Дальше всё было сложнее.

По материнской линии были одни хохлы! Казаки, но с хохляцкими фамилиями. Их в Сибирь привезли в «стольпине» из Николаевской губернии. Когда прадед смылся на китайскую границу, прабабку арестовали, увезли в район и посадили в цугундер. Три месяца отсидки в подвале НКВД ожесточили её так, что коммунистов она ненавидела лютой ненавистью. Но царями тут не пахло. Таким образом, одна линия у меня была тупиковой. Напишу, конечно, что было семейное предание о моем казацком предке, который где-то спёр Шамаханскую царицу, привёз на хутор, где она родила ему царственного сына, единственным потомком которого являюсь я. А что ещё делать? Пусть проверяют!

Отцовскую линию я знал лучше, но там всё обстояло ещё хуже. Мой греческий прашур при Екатерине был переселён из Крыма в Мариуполь и нарожал такую кучу потомков, что его гипотетические царские корни нужно было делить между двумя сотнями родственников. А у моей древнегреческой бабушки девичья фамилия вообще какая-то непонятная! Сагирь. Что называется, приплыли!

Вечером, обложив себя энциклопедиями и включив интернет, я принялся изучать походы Александра Великого, войны греческих царей, и наконец набрёл на царя Митридата. И вот тут я понял, что это мой шанс. Митридат хозяйничал в Крыму. Любил женщин. Кроме кучи жён у него была большая толпа любовниц и наложниц. В конце концов, не мог же деда Митя обойти вниманием моих древнегреческих прабабок. Это было бы просто несправедливо с его стороны! Кстати, моя греческая бабушка была очень красивая, даже в старости.

Мне начинало нравиться мое ёрничество! Но это была только прелюдия. Когда я увидел тетрадрахму с профилем царя Митридата, то обомлел. Это была моя рожа! Клянусь! Моя! Схватив маленькое зеркальце и манипулируя им, я стал ловить свой профиль в отражении зеркального шкафа.

— Да, сходство потрясающее! Нос вообще с меня списан. И этот лоб, за который жена называла меня неандертальцем, — он тоже мой. Такой лоб один на миллион. Да что там на миллион — на миллиард!

Я снова прилип к компьютеру.

«Предками Митридата Евпатора были представители знатнейших македонских и персидских родов...» — читал я в энциклопедии. Пращур был родственником персидского царя Дария и прочих Селевкидов и Ахеменидов! Вот от кого начну я свою родословную!

В приподнятом настроении я продолжил свои исследования.

— Так, а рожи других царей? Да, немного другие. Даже совсем другие. И этот сраный Дарий. Совсем другое лицо. Чёрный какой-то? Нос узкий, длинный. С горбинкой. Совсем другой.

С огорчением я откинулся на спинку стула.

— Лажа получается. Дарий каких-то других кровей. Хотя и бабка моя тоже была с узким носом. И один из дядек тоже был горбоносый, узколицом, совсем на отца не похожим. А! Просто они пошли в другую породу, — успокаивал я себя. — Ну да! Они в Дария, я в Митридата! Так бывает. Тем более что кровей в нас намешано от разных царей. Царей в родне много не бывает!

Внутри у меня все ликовало.

Две ночи я почти не спал, но анкету заполнил блестяще! Уж кто-кто, а чиновники умеют выдавать желаемое за действительное и расписывать на основе крошечных успехов райские перспективы.

Персидских царей я сместил в середину моей генеалогии. Теперь у истоков у меня красовались вожди этрусских племен, заложившие Рим, а ещё ниже — их предки, гипотетические князья из той самой Арконы, откуда впоследствии прибыл на Русь сам Рюрик. Но этого мне показалось мало, и я пришил сюда царей Иудеи. Когда евреи захватили Хазарию и стали ею управлять, мой бравый казацкий предок вместе со Святославом спустился на ладьях по Волге и всех хаберов перерезал. Но одну молодую девку он по казацкой привычке оставил, а та в свою еврейскую очередь нарожала ему маленьких еврейчат, посему и я могу быть потомком царя Соломона. В конце концов, кто такой Соломон? Сраный скотовод, присвоивший себе нашу, греческую, гору Сион. Однако и Соломона мне показалось мало. Зная гипотезу, что отцом Иисуса мог быть римский легионер, грек по имени Пандира, я и Иисуса записал в свои братья. Всё так ловко сложилось, что и Ромка Галицкий, и Петров читали мою анкету с завистью и явно сожалели, что свои отправили так рано. В этом смысле я был отомщён.

Предполагая, какой бардак сейчас творится в комиссии по выборам царя, вместо одного экземпляра я на всякий случай отправил два. Один — фельдпочтой в адрес, указанный в газете, другой — бандеролью на имя председателя комиссии.

Ответа я ждал с тревогой. С одной стороны, так хотелось высунуться. С другой — такую хрень написал, что даже жутковато было. Каждое утро мы перезванивались с друзьями и с ревностью интересовались, пришел ли кому-то ответ. Но всё было тихо. Через месяц нам всем прислали уведомления, что документы получены. И всё. Разузнать что-то по другим каналам тоже не удавалось.

К Петрову несколько раз заходил Царёв и пытался уговорить его продолжить поиски. Петров сразу надевал противогаз и начинал звонить мне с требованием принять Царёва. Однако Царёв ко мне не шёл, запомнив мой крутой нрав.

Два раза приезжала Гуля. Мне удалось определить её сына в кадетскую группу при военном училище. Летом должен был быть конкурс, но начальник училища обещал, что с экзаменами ему помогут. А пока пацана водили по клиникам, проводя обследования, так как требования к воспитанникам были очень высокими.

Оба раза мы обедали в уютном ресторанчике при элитном отеле, где я часто бывал со Светкой, и оба раза я видел, как она напряжена, видимо, опасаясь, что я предложу ей подняться в номер. Меня это немного веселило, но особого желания я не испытывал. Что-то в общении с ней меня останавливало. Она, в свою очередь, отказывалась возвращаться в район на моём служебном автомобиле. Даже не позволяла отвезти её на автовокзал. Правда, когда я помогал ей надеть пальто, она в знак благодарности на секунду клала мне на грудь ладонь, будто гладила меня, как послушного кота. Больше никаких событий со мной не случилось, пока вдруг не разразилась драма.

Гуля позвонила мне на работу и разрыдалась, рассказывая, что у сына нашли какие-то перегородки в носу и для обучения в кадетском училище, где готовили штурманов авиации, он непригоден. Это было неожиданно. И хотя до нового учебного года была уйма времени, заменить кадетское училище на другое, с менее жёсткими требованиями, я едва бы успел. В нашей области другого попросту не было, а соваться в чужой монастырь...

Я попросил подробную выписку из проведённого обследования и начал обзванивать знакомых эскулапов. Мне объясняли, что исправить можно, операция несложная, но едва ли парню она поможет. Что-то в его башке выросло не так, как надо, и перепады давления, как мне сказали, ему противопоказаны. На Айгуль жалко было смотреть. Она плакала, с мольбой глядя мне в глаза. Я заставлял её выпить вина, даже предложил закурить, но это вызвало только новые слёзы. Ночевать она отказалась, все автобусы уже ушли, и я уговорил её ехать в деревню на служебном автомобиле. Пока ждали водителя, она прижалась ко мне и жалобно шептала:

— Александр Фёдорович, помогите... пожалуйста... Мне так тяжело. Олежка уже всем рассказал, он мечтает быть похожим на деда...

Насколько я понял, прадед у Айгуль был русским. Дед и бабушка — наполовину. Мать — татарка. В общем, полный интернационал. Прадед прошёл всю войну, был комендантом немецкого городка, имел кучу медалей. Дед и отец тоже служили, бывали в горячих точках. Олежка — так звали сына — очень гордился ими. Но чем тут можешь? Документы подделывать? Рано или поздно обман вскроется.

Как раз в это время одно из наших подразделений проверяла комиссия из Москвы. Казанцев поручил мне опекать москвичей, и я заботился, чтобы чиновники вовремя представляли все необходимые документы, а проверяющие вкушали все прелести нашей провинциальной жизни. Один любил бадминтон, и его возили играть с одной из наших призёрок первенства России. Он был в восторге. Другого возили в бассейн загородного пятизвёздочного отеля. Третий был любителем хороших вин, и мне выделили небольшой бюджет для его спаивания. А так как пить в одиночестве он не хотел, приходилось бухать самому и ещё развлекать москвича разговорами. Благо он был эрудитом и насквозь прожжённым царедворцем — это сглаживало повинность. Когда я ему рассказал о беде русского татарчонка, он переспросил диагноз и начал кому-то названивать. Закончив переговоры, он, отхлёбывая вино, уверенно сказал:

— Попробуем помочь твоему пацанёнку. В Питере есть клиника, спортсменов лечат, перекроют там ему черепушку. Пока он маленький — сделают. Черепушка ещё растёт. Справятся.

На мой вопросительный взгляд он добавил:

— Говорят, что безопасно. Там работают виртуозы, и оборудование у них, какого нигде нет. Не бойся. Хуже не будет.

Я уже мысленно стал прикидывать, во сколько это обойдётся, но он, понимая всё с полуслова, успокоил:

— Бесплатно сделают. Ты даже не думай. У пацана деды воевали, это святое. Ты одно с другим не путай. Пацан не на курорт просится.

В тот день я на радостях так напился, что без помощи своего водителя сам домой дойти не смог.

Наутро, не завтракая, я приехал к москвичу, и он, отпаивая меня кофе, подробно рассказал, какие нужны документы, куда их отправлять. И несколько раз настойчиво повторил, что нужны награды дедов, их гвардейские знаки и побольше военных фотографий. Из всего этого нужно было сделать альбом и приложить его к пакету документов.

Айгуль сначала ничего не поняла, а потом испугалась. А вдруг что-то повредят у сына? Я несколько раз повторил в телефонную трубку мой разговор с москвичом и высказал своё мнение. Всё-таки высокопоставленный чиновник. А до этого был заместителем министра. Карьерист ещё с советских времён. Солидный мужик. Гуля не знала, плакать или радоваться.

На следующий день Хаким привёз её к нам в администрацию. Они привезли награды и архивы деда и прадеда. Боевые ордена, медали, знаки «Гвардия» и кучу юбилейных медалей. А вот военных фотографий было мало. И качество никакое. Выбрали самые интересные, отдали в типографию и уже вечером пакет отправили по указанному москвичом адресу.

Я заметил, что вид властных коридоров, приёмная с посетителями, строгая секретарша — всё это подействовало не только на Айгуль. Хаким тоже ступал «по одной половице», боясь сделать лишний шаг. Я угощал гостей чаем с печеньем, а ужинать поехали в мой любимый ресторанчик всё в том же лучшем отеле города. Хакиму нравилось внимание областного начальства, а Айгуль, хотя и радовалась, но весь ужин вела себя так официально, что даже вызвала у меня досаду. Когда мэр перед дорогой пошёл в туалет, я сказал ей:

— Гуля! Я не знаю, что там у тебя в голове, но запомни: ты никому ничего не должна. Сейчас времена и нравы не лучшие, но я всё делаю из чистых побуждений. Не нужно меня оскорблять. Нормальному человеку давать всегда намного приятней, чем брать. Поэтому успокойся и выкинь дурь их головы. Лучше поблагодари, всё же мы чего-то добились.

Айгуль посмотрела мне в глаза, привстала на цыпочки и неожиданно поцеловала. Признаюсь, я такого от неё не ожидал. Мужики часто врут, когда говорят женщинам, что им ничего не нужно. Но в этот момент большего я и не хотел.

Когда мои новые друзья уехали, снова наступили серые будни. Дни становились всё короче. Погода отвратительная. Уехали и москвичи, так и не открывшись, хотят ли они в цари. В телевизоре пошлые шуты бездарно шутили, напяливая на головы шапки и короны. В столовой мы обсуждали, как будем править, когда станем царями. Фантазия у нас буйствовала. Спорили, шутили, оскорблялись, обижались, кричали и хлопали дверью, и каждый надеялся на выигранный билет.

4

Развязка пришла неожиданно. Незадолго до Нового года мы чохом получили уведомление о том, что наши анкеты рассмотрены и к участию в конкурсе не допущены. Основания не приводились, была просто констатация. Просто и ясно! Лёгкое огорчение компенсировалось тем, что отказ пришёл всем. Причин для зависти и ревности не было. Ещё веселей стало, когда с таким же письмом в архив прибежал Царёв. Петров ткнул ему в нос свою бумажку и, уже не церемонясь, опрыскал его дезодорантом и вытолкал в шею.

Какое-то время мы ещё следили за прессой, рассчитывая узнать, кого же допустили до конкурса. Но в официальных изданиях стояла мёртвая тишина, а в мелочовке, где на государствену тему продолжали изгаляться интернетовские завсегдатаи, чего-то более-менее достоверного не было. Поэтому интерес стал угасать.

Несколько раз звонила Светка, предлагая встретиться. Она пыталась говорить весело, но в голосе чувствовалась обида. Один раз она не выдержала и прямо в трубку крикнула:

— Да не было у меня ничего ни с кем. Что ты

Мне было её жалко, разговаривал я с ней ласково, но встречаться пока совсем не хотелось.

Перед самым Новым годом Гуле пришёл вызов из питерской клиники. Предлагалось прибыть после новогодних праздников, во второй декаде января. В больницу клали только ребёнка, поэтому Айгуль нужно было искать жильё неподалёку. Благо время было не сезонное и отели пустовали.

Перед губернским новогодним балом Казанцев напомнил мне о Витьке—танцоре, а я, в свою очередь, думал, как мне не только переманить Витьку к нам, но и вернуть его в семью. Это было бы лучшим исходом. Несмотря на красоту Айгуль, брать ответственность за её будущее мне совсем не хотелось. И очень не хотелось отдавать её кому-то третьему. Ревность никто не отменял. Все мы собственники. Но это была не только ревность. ... Я и так уже не знал, что мне делать со Светкой. А тут ещё новая забота. Вот если бы меня назначили царём! Тогда все проблемы решились бы мигом. И все бы были счастливы. Но в царствовании мне официально отказали.

На губернский новогодний бал Витька пришёл во фраке. Красавец! Воробьева тоже вырядилась: длинное платье с открытой старушечьей спиной и, несмотря на возраст, высокие каблуки. Когда они танцевали танго, я с улыбкой мысленно высматривал, на каком элементе он мог бы вскочить на старушку верхом и поскакать в наше управление. На балу я не стал подходить к нему, решил отложить разговор на потом.

В этот раз, чтобы загладить вину, я достал пригласительные билеты и Светке тоже. Это было не «по чину», но я сделал так, что приглашения передала наша главная юристка, Елена Самуиловна, якобы в благодарность за какое-то личное, особое дело, поэтому, хотя Светкино начальство и крысилось, меня заподозрить никто не мог.

Светка пришла с Иваном, и я впервые смог его разглядеть. Красивый, крепкий, немного неуклюжий, но явно добрый парень. Сначала он вёл себя скованно, озираясь на величие местного гламура. Потом, видимо, приняв на грудь какое-то количество дармового алкоголя, стал улыбаться, пританцовывать и наконец закружил Светку в ритмах вальса. Танцевали они красиво. Иван был полной противоположностью гибкому Витьке—танцору, но его простота выгодно оттеняла красоту жены. Светка была восхитительна. Струящееся платье и туфли на высоких тонких каблуках делали её воздушной. Это были мои подарки, и я улыбался сознанию того, что вкус у меня есть. В ушах у Светки сверкали маленькие изумрудики, которые тоже влетели мне в копеечку. Чиновники всех рангов с завистью смотрели на Светку, но, не

зная, кто она такая, не зная, кто такой Иван, с заигрываниями осторожничали. Когда Светка с мужем вальсировать закончили, я встретился с ней взглядом и незаметно на мгновение поднял большой палец вверх. Она увидела это и от удовольствия вспыхнула так, что мне пришлось отворачиваться, чтобы никто не обратил на это внимания.

Каждый раз, думая о Светке, я думал об ответственности за её судьбу. Ведь это я «подстрелил» эту чайку. Чувство вины было? Было. Откуда во мне это морализаторство? Воспитание? Начитался классики? Достоинство это или недостаток? Хотя разве не завидуем мы тем, кто, не стесняясь, берёт лучший кусок торта на празднике жизни? Кто, не задумываясь, гордится многочисленными победами над молоденькими, наивными женщинами? Кто не гнушается любой возможности добиться успеха? Да, осуждаем, но не зависть ли это? Не проще ли самому тукать бабушек по голове? Нет, топором я бы не смог. Садистом я не был. Мне было лет шесть, когда я из рогатки убил воробья. Сначала обрадовался, а потом, разглядев несчастное тельце мёртвой птички, навзничь лежащей на земле, вдруг понял, что я натворил. Это меня потрясло. Если бы я верил в Бога, то неустанно молился бы, прося прощения. Но в Бога я не верил, а сам простить себя не мог. Вот и со Светкой. Зачем я влез в её жизнь? Да, сейчас она сама этого хочет. Но начал я. Это мне захотелось поозорничать. Где я об этом читал? У Толстого?

Конечно, я себя оправдывал. Всё равно кто-нибудь её бы соблазнил. А наша связь со Светкой во многом была даже целомудренной. В самые страстные моменты мне легко было представить её стоящей в белом платочке перед алтарём и просящей у Бога прощения. Что такое целомудрие? Целостность мудрости? Гармония? «Цело-мудо-ра»? А если бы не я? Устояла бы она перед каким-нибудь козлом? И чем бы это закончилось?

После бала разрумяненная Светка сияла. Когда Иван ушёл за одеждой, мне под ручку с женой удалось пройти мимо неё и на мгновение сцепиться с нею пальцами.

— Я тебя люблю, — прошептала она в сторону, будто не мне.

А я, наклонившись к жене, громко сказал:

— Ты сегодня прекрасна!

Жена удивлённо взглянула на меня, оглянулась по сторонам и насмешливо спросила:

— Что это ты вдруг копытами забил? Влюбился опять? Смотри у меня!

— Ты даже не представляешь, как я счастлив, что ты у меня есть!

Жена прижала мою руку к груди, а я с улыбкой подумал о ласковом телёнке. Светкиного лица я не видел, но чуть позже, когда они выходили из зала, я видел, как она крутит башкой поверх других голов, чтобы увидеть меня. Я вскинул руку, глядя совсем в другую сторону, будто приветствую кого-то из знакомых, но Светка всё поняла и тоже подняла руку, будто поправляя шапку на голове.

Сразу после новогодних праздников я попытался перехватить Витьку в коридоре, но он отвернулся и молча прошёл мимо. Видно, травма от унижения, полученного в столовой, была глубокой.

Через неделю после новогодних каникул я отвёз Гулю и Олежку в аэропорт. Когда мы стояли в очереди на регистрацию, Гуля меня спросила:

— А вы в Санкт-Петербурге бывали?

— Конечно бывал. Много раз. Раньше мы с женой на выходные летали. В театр. В музеи.

— А я ни разу не была.

— О, у тебя впереди масса удовольствий. Эрмитаж. Театры. Просто гуляй. Только будь осторожна. Ты девочка красивая. Даже очень красивая. Шашни не заводи. Потерпи.

— Ну что вы такое говорите. Какие шашни?

— Гуля, Гуля! Скоро весна. Не зарекайся.

Немного помолчав, она вдруг спросила:

— А вы Петербург хорошо знаете?

Я внимательно на неё посмотрел, она смутилась, но глаз не отводила.

— Айгуль? Я тебя правильно понял?

Гуля покраснела и отвернулась.

— Я бы с удовольствием поводил тебя по Питеру. Я люблю город. И в театр бы ходили. Там умопомрачительный балет. Но работа.

Айгуль молча стояла, держа за руку сына, и идти к стойке регистрации не спешила.

— Ну хочешь, я прилечу на один день? Билеты в театр куплю и прилечу?

— За один день вы вымотаетесь. Приезжайте на субботу и воскресенье...

Она говорила это, не глядя в глаза, а в голосе слышалась решимость, будто она делала это кому-то наперекор.

Я предполагал, что рано или поздно такие разговоры появятся, но сейчас к ним я был не готов.

— Ладно. Посмотрим. Ты, главное, о сыне думай. Деньги попросят — не жалея. Там начальство обо всём распорядилось, но простые люди тоже о своей выгоде не забывают. На этом экономить не надо. Чуть чего — звони. Попробую помочь. Ладно, идите. В добрый путь!

Айгуль наклонилась к сыну, что-то шепнула ему. Олечка протянул мне руку, я сжал его ладошку в своей, обнял другой рукой Гулю и шепотом сказал:

— Ни пуха ни пера.

Айгуль улыбнулась и, весело прошептав: «К чёрту», — пошла к стойке регистрации.

5

Когда я вернулся из аэропорта, дома меня ожидал сюрприз. Дверь открыла растерянная жена и предупредила, что у нас гости. В прихожей сидел серенького вида мужичок непонятного возраста. Он предъявил удостоверение спецслужб и, протянув мне запечатанный конверт, попросил вскрыть его в своем присутствии, прочитать и расписаться в журнале. В конверте был листок бумаги, где мне одним предложением предписывалось явиться на следующий день по указанному адресу в указанное время в кабинет номер двадцать один. Затем курьер вынул серый бланк, на котором был набран заголовок: «Обязательство о неразглашении». Я знал, что когда-то такие расписки существовали, но в глаза никогда не видел. Курьер попросил заполнить расписку и на словах предупредил, что об этом донесении распространяться не надо. Предупредил настойчиво, переспросив, понял ли я. Вскрытый конверт с запиской он тоже забрал с собой. За время службы я насмотрелся всякого, но такой ерунды ещё не было.

Весь вечер я ломал голову, чего от меня хотят. Радостное волнение сменялось тревогой. Что это? Счастливый билет или чёрная метка? Больших проколов на работе я не допускал. Родине не изменял. Взятки не брал. Да и, зная мой характер, мне их и не предлагали. Неужели это гадёныш Царёв накапал? Но при чём здесь контора? И почему в выходной день? Может быть, в анкете я написал что-то недопустимое? Или то, что я схитрил и отправил сразу две? А может, кто-то донёс, о чём мы стебались с сослуживцами? Покоя мне не было. Хотел позвонить Ромке Галицкому, но, вспомнив о предупреждении курьера, не стал.

Вообще-то после Нового года мне всегда везло. Все самые удачные события начинались с начала года. А вдруг это сработала вторая анкета? Одну общим потоком отправили в мусор, а вторая зацепила? Так хотелось в это верить! Но чудеса случаются редко. Слава богу, что это не август и не сентябрь — самые неудачные для меня месяцы.

К ночи я был совершенно разбит и спал плохо. В полудрёме кто-то задавал мне вопросы, а я выкручивался, понимая, что мне не верят. Потом вдруг оказалось, что я на каком-то совещании сижу со спущенными штанами в президиуме не на стуле, а на унитазе и мучительно соображаю, как мне выкрутиться. Когда пришло отчаяние, я проснулся. Облегчённо вздохнув, пошёл на кухню, достал минералку и, взглянув на часы, выпил половину бутылки. До назначенного времени спать уже было некогда.

Заблаговременно явившись по указанному адресу, я вдруг с ужасом вспомнил, что паспорт остался в портфеле. Голова была ватная и ничего не соображала. Даже крепчайший кофе утром не помог. Как и предполагалось, военный в затемнённом окошечке запросил у меня документ. Я промямлил, что вчера оставил документы в гараже, а вызов был неожиданным и я не успел и не мог успеть, в принципе. Военный спросил, в какой кабинет меня пригласили, мою фамилию и кому-то позвонил. Разговор слышен не был, но я понял, что без паспорта дежурный пропускать меня не хочет.

Через какое-то время в пропускной пункт вышел франтоватый молодой человек в золотых очках, с холёным и неглупым лицом. В одной руке он держал мохнатую шапку, а в другой — связку ключей. Его внешний вид никак не вязался с мрачностью казённого прихода, напоминавшего петропавловский каземат. Особенно выделялись галстук и штиблеты очкарика. Было очевидно, что сей франт был птицей не местного полета. Вопросительно назвав моё имя, очкарик взял меня под руку и, надев на голову шапку, вышел со мной из здания.

— Как же так, Александр Фёдорович? Вы же опытный аппаратчик. Паспорт нужно иметь при себе всегда.

Я не оправдывался и шёл, молча повинуюсь своему новому знакомцу.

Мы обошли здание, ступая по небольшим сугробам, спустились по занесённой снегом лесенке, и молодой человек открыл ключом небольшую железную дверь в цоколе здания. Пройдя ещё одну дверь, мы очутились в каком-то подобии тренажерного зала. Заперев за нами обе двери, франт открыл расположенный в «качалке» электрощит и двумя пальцами поднял вверх красный тумблер. Как я понял, он включил сигнализацию.

— Приходится нарушать порядок, — с укором проговорил он.

«Ничего себе, — думал я. — Шпионские тропы. Слава богу, не арест. Если бы арест, так бы не цацкались».

Пройдя наверх по чёрной лестнице старинного дома, мы очутились в большой комнате без окон, в углу которой за столом сидела женщина в военной форме.

Отдав женщине ключи, он сказал, что сигнализацию включил, поблагодарил её и завёл меня в большой кабинет с высоченными потолками и остатками старинной лепнины на стенах.

— Присаживайтесь, — предложил он мне. — Меня зовут Сергей Михайлович. Чай? Кофе?

— Да нет. Спасибо! Я только что из дома.

— Сейчас, подождите немного. Я достану документы.

Он открыл сейф и достал портфель из крокодиловой кожи. А уже из портфеля вынул обыкновенную картонную папку с надписью «Дело». У меня в штанах похолодело. Перехватив мой испуганный взгляд, он улыбнулся и сказал:

— Не волнуйтесь. Это старые запасы. Других просто нет.

Развязав тесёмки, он достал тоненькую пачку документов, где сверху была пришпилена ксерокопия моего конверта.

«Из-за конкурса», — мгновенно сообразил я, и меня снова охватило волнение.

Молодой человек принялся рассматривать копии моей анкеты, значительно увеличенные и выведенные на отдельные листы. Мне показалось, что он смотрит на них с иронией. Ладони мои вспотели.

— Меня попросили кое-что уточнить в вашей анкете. История очень уж необычная. Вы не против?

«Ну всё, — подумал я, — сейчас колоть будет. На фига я со всем этим связался. Это всё Петров. Засранец. Гены, дворянство... Ладно, если на тормозах спустят. Точно ведь сон в руку».

— Вот вы здесь пишете, что ваш отец и дед из античных греков. Что значит из античных?

— Мы из села Аутка. Это наверху Ялты. Вернее, отец и дед из Мариуполя, но их предков выслали из Крыма, из села Аутка.

— Это я понял. А почему античные?

— Ну я читал, что крымские греки после падения Херсонеса были отрезаны от метрополии и сохранили свою античность. «Античность» — это «древность». Антикварность. — Немного подумав, я добавил для убедительности: — Они даже устриц разводили. Екатерине поставляли!

Хотя какое отношение устрицы имели к античности моих предков? Голова совсем не варила.

— Моя бабушка говорила, что мы эллины. И язык у нас румейский. Диалект. Есть ещё урумский язык. То тоже греки. Но наши зовут их греко-татары.

— Да, я знаю, что вы увлекаетесь этимологией. Сейчас мода на толкования слов. Но официальная наука вас не признаёт. Считает всё это, мягко говоря, ... — Он хотел сказать что-то не очень приятное, но пожалел меня и довольно мягко сказал: — Не научно, что ли?

— «Этимология» в переводе с греческого — «наука об истине».

— Ну хорошо. Спасибо! В мои планы спорить с вами не входит. Как вы утверждаете, ваш предок, царь Митридат, родился в городе Синоп. Это где? Тоже в Крыму?

— Вообще-то это исторический факт. Это сейчас в Турции, через море, напротив Ялты. Говорят, что в хорошую погоду Синоп с гор Крыма видно. А Синоп ближе всего к Крыму. Синопское сражение помните? Там тогда столица была. Кстати, там и философ Диоген родился.

— Столица чего? — Сергей Михайлович, уже не скрывая улыбки, рассматривал мои каракули в анкете.

— Понтийского царства.

— Это греческое название?

— Понтийское?

— Нет, Синоп.

— Греческое, но не совсем, — помедлив, ответил я.

Молодой человек взглянул на меня поверх очков:

— А чье? Турецкое?

— Нет. Турки туда пришли позже. Ну если так говорить, то это арийское название.

Он снова посмотрел на меня поверх очков:

— В смысле?

— Тогда все говорили примерно на одном языке. Корни были общие. У языка, я имею в виду. «Сан», «сен», «син» — это всё о наличии воды. Сена, Сион, Синай, Синара. Сан, сановник, чин, чиновник. Наличие воды — это благо, поэтому и слова ближе в возвышенному, священному.

— А при чём здесь арийцы? Это вы о теории фашистов?

— Фашисты к арийцам никакого отношения не имеют.

— Как это? А Гитлер?

— Гитлер арийцем не был.

— Почему? Как это вы определили? Череп измеряли?

— Нет. Я же не идиот — черепа мерить.

— А как?

— Дак это же известно, что предки немцев пришли из Азии. Какие-то ранние тюрки. Кочевники. Гитлер вообще носил еврейскую фамилию. Шикельгрубер. От слова «шекель». Ше-кале — это мера стоимости. По-гречески «сикль». Кучка зерна. Где-то штук двести зёрен. Вес серебряной монеты. А арийцы — это земледельцы, от слова «ар» — «земля». У меня дед был арийцем. Я же там написал — землепашец. Это ариец и есть! А тюрки — это преимущественно скотоводы. У скотоводов комплекс был перед римской аристократией. Перед этрусками. Вот и им захотелось ощущать себя арийцами.

— Есть какие-то доказательства? — Молодой человек явно с иронией воспринимал то, что я ему говорил.

— Чему?

— Ну что немцы не арийцы?

— Есть.

— Какие?

— Они чёрные. Смуглые и кривоногие. Гитлер тоже был черным. А арийцы светлые. Северные.

— Но и многие немцы светлые.

— Перемешались.

— С кем?

— Со славянами.

— Интересно. А ещё?

— Что ещё?

— Какие ещё доказательства?

— Язык. У немцев, как у тюрков, общие слова: «ман», «бад». Потом, они пфькают.

— Как это?

— Вместо «п» говорят «пф».

— Не замечал.

— Просто не обращали внимание. Их «фюрер» и «тюркер» от одного корня. Что-то типа «тюр-фюр». Это значит «господин», «повелитель». Так они себя позиционируют.

Франт задумался. Потом, будто очнувшись, снова спросил:

— А как вы узнали, что вы потомок царя Митридата?

— Бабушка говорила.

Москвич улыбнулся.

— Ну предание такое было.

Улыбка у москвича стала ещё шире:

— А документально подтвердить можно?

— Так как подтвердишь? Турки всё уничтожили. Может, у них в архиве что-то есть, но где искать?

— То есть бабушка сказала? А бабушки уже нет.

— Да, нет.

— Согласитесь, что всё это наивно и бездоказательно.

Несколько мгновений я размышлял, продолжать биться или попытаться спрыгнуть. Если спрыгну — точно накажут. Франт специально из-за меня прилетел. А так за дурака примут.

— Так можно генетическую экспертизу сделать.

— А с кем сравнивать? Где Митридат похоронен?

— В Керчи. Но могила разграблена. Останков нет.

— Вот. Как проводить экспертизу?

— Родственников найти. Должны быть потомки.

— Вы смеётесь? Через две тысячи лет найти потомков.

— По фотографии можно. Митридат был моей копией.

— Кто его фотографировал? Памятник есть?

— Нет. Монета есть. Тетрадрахма. Посмотрите. Там он как две капли воды.

— Где же я её посмотрю?

— В интернете. Найдите изображение получше ... — начал было я, но в это время в кабинет вошёл средних лет мужчина в гражданской одежде в сопровождении молодого солдата с автоматом.

Мой собеседник обернулся на них и спросил:

— Что вам здесь нужно? Здесь я работаю.

Однако вошедший его слова проигнорировал и строго обратился ко мне:

— Предъявите ваши документы.

Я растерялся, встал и посмотрел на франта. Тот тоже медленно поднялся, поправил очки и повернулся к вошедшим, заслонив меня спиной. Широко расставив ноги и упёршись кулаками в бока, очкарик, откинув голову и как бы глядя сверху вниз, повышенным тоном спросил:

— Кто вам разрешил войти в мой кабинет?

— Это не ваш кабинет. С вами мы поговорим позже! — Мужчина явно был настроен агрессивно.

— Кто вы такой? Предъявите ваши документы, — не сдавался очкарик.

Мужчина достал удостоверение и ткнул им Сергею Михайловичу почти в нос. В свою очередь он потребовал того же.

— А вы кто такой?

На этот вопрос мой франт как-то стушевался, снова поправил очки и уже более спокойно проговорил:

— Вас должны были проинформировать.

— Мне доложили. Но никто не давал вам права проводить на режимный объект постороннего без документов.

— Вас плохо проинформировали.

— Меня тонкости не интересуют.

— Вы же меня знаете! — вмешался я.

Несколько раз мы сталкивались с этим мужиком в стенах госучреждений, и он должен был меня запомнить.

— Это не имеет значения. Есть установленный порядок, и его нужно соблюдать. Пройдемте с нами. — Он повернулся боком и вытянул руку, давая понять, что я должен выйти из кабинета.

— Да, пожалуйста. — Я уже хотел было подчиниться, но Сергей Михайлович перегородил мне дорогу.

— Я сейчас позвоню генералу и всё улажу.

Он вынул из кармана сотовый телефон.

— Генерал в отъезде, связи с ним нет. И до завтра не будет. — В тоне старшего конвоира чувствовалась насмешка.

— В отъезде? — с некоторой досадой произнес франт.

На мгновение задумавшись, он отвернулся к окну и набрал на телефоне какой-то номер.

— Кстати, вам придётся написать объяснительную, почему вы не сдали мобильный телефон при входе. — Охранник не скрывал своей неприязни к франтоватому очкарику.

— У вас тоже телефон при себе? — вызывающе обратился он ко мне.

С каким облегчением я выдохнул, когда вспомнил, что и телефон я тоже оставил дома. Поставил на подзарядку и забыл. Я развёл руками и не успел что-либо сказать, когда очкарик нарочито громко заговорил в телефонную трубку:

— Григорий Иванович! Здравствуйте!

Я заметил, что при упоминании имени Григория Ивановича вошедший начальник напрягся и даже как-то вытянулся, приняв стойку смиренно.

— Извините, что беспокою. Я по известному вам распоряжению работаю в регионе, — громко, отстраняя телефон от уха, чтобы нам был слышен голос Григория Ивановича, почти кричал Сергей Михайлович, покачиваясь на своих дорогих каблуках. — Это по вашему ведомству. Здесь начальства нет, а у меня возникли недоразумения со службой режима. Пришлось человека привести в здание без документов. Времени в обрез, а работы много.

Из трубки послышался густой бас, но разобрать, что он пробубнил, было невозможно.

— Да, хорошо, Григорий Иванович! — громко рапортовал очкарик. — Так и передам.

Из трубки снова что-то пробублькало, и очкарик с торжеством посмотрел на конвоира:

— Пойдёмте выйдем, — сказал он и жестом предложил представителю режима выйти из кабинета.

— Мне нужно составить акт, — начал было тот, но очкарик, взяв режимника под руку, почти вытолкнул его в дверь. Режимник кивнул солдатику, чтобы тот остался приглядывать за мной, и они вышли.

Солдатик иронично разглядывал меня, а я поймал себя на мысли, что пытаюсь рассмотреть в углах кабинета пятна крови. После таких мыслей мне стало весело, и я конвоиру подмигнул.

Разглядывая мальчишку, я пытался вспомнить, что понаписал в анкете про царя Митридата и кем я ему прихожусь, однако в голове была мешанина.

— Ступайте. — Очкарик вошёл в кабинет и, не затворяя дверь, предложил солдатику выйти.

Но тот безмолвно продолжал стоять и на очкарика не смотрел.

— Ах да. Дисциплина...

Сергей Михайлович снова вышел, и через какое-то время послышался голос пожилого режимника:

— Соколов, пойдём, всё уже...

— Сделайте нам чаю и проследите, чтобы больше нам никто не мешал, — сказал очкарик кому-то за дверями кабинета и, вернувшись, плотно затворил за собой дверь.

Какое-то время он стоял у дверей кабинета, как бы прислушиваясь к тому, что происходило снаружи, потом повернулся ко мне и, улыбнувшись, спросил:

— На чём мы остановились?

— Да, доставил я вам хлопот, — начал оправдываться я. — Вы меня извините.

— Ничего. Это вы меня извините. Я не местный и не очень ориентируюсь в здешних порядках. Устроили мне показательные выступления. Подождите, я сделаю ещё один звонок.

Он снова отошёл к окну и с кем-то долго тихо говорил. Мне показалось, что после вторжения охраны его ироничное отношение ко мне слегка ослабло. А я лихорадочно размышлял: «Кто этот франтоватый москвич? Кто такой Григорий Иванович, если его режимник испугался? Шишка какая-то? Господи! Куда я влез...»

Закончив говорить по телефону, москвич какое-то время молча смотрел в окно, потом повернулся и рассеянно повторил:

— Так на чём мы остановились?

В кабинет вошла всё та же молодая женщина—секретарь, в руках она несла чайник и пакет с чайными принадлежностями, а под мышкой — пластиковую бутылку с водой. Я обратил внимание, что китель на женщине был свободным, а вот юбку она явно заузила и укоротила, слегка обнажив недурственные ляжки. Расставив всё на подоконнике, она включила чайник в сеть и стала ждать.

— Хорошо, спасибо. Я сам всё сделаю. Можете идти.

— Больше ничего не надо? — холодно спросила солдатка и, не получив ответа, тихо вышла.

— Вы продолжайте, я слушаю.

Сергей Михайлович принялся вскрывать коробки с чаем и рафинадом.

— Ну, в общем, если вы сравните меня с портретом Митридата, то поймёте, что мы родственники.

Москвич достал телефон и стал искать изображение монеты.

— Там монеты разного качества. Найдите поновее.

Наконец Сергей Михайлович что-то нашёл и стал сравнивать, поглядывая то в телефон, то на меня.

— Да, действительно. Что-то общее есть. Но на разных монетах царь выглядит по-разному. Вот здесь изображение более мужественное.

Я вспомнил, как Кмызя сказал Галицкому, что тот выродился, но повторять не стал.

— Художник мог польстить.

— Вы думаете? Ну, в общем-то, вы похожи, даже очень. Но это не доказательство.

— Можно генетическую экспертизу сделать. Сравнить.

— С кем?

— С родственниками. С царскими. Могилы же есть.

Возникла пауза.

— Александр Фёдорович, — задумчиво сказал москвич. — Вы извините, что я вас не предупредил. Здесь постоянно идёт аудио- и видеозапись. Я это не к тому, чтобы вы были осторожны, просто было бы непорядочно вас об этом не предупредить. Бояться этого не надо. Записи никто никогда не увидит. Кроме тех, кому это положено, конечно.

Он поставил передо мной стакан с пакетиком чая и налил кипятку.

Меня снова охватило волнение.

Москвич наблюдал за моими пальцами, и я сам увидел, что они шевелятся. Положив руки на колени, я ответил:

— Да я и не боюсь. Понимаете, бабушка рассказывала, что мы настоящие эллины. Язык сохранили. И православную веру не предали. Гордилась этим. Потом я читал про царя Митридата. Он был любвеобилен. Много у него женщин было. Мне бабушка рассказывала, что в древние времена весь ялтинский берег от Гаспры до Партенита принадлежал нашему роду. Это потом татары и турки понаехали. Но мы выжили и остались себе верны. А сходство с царём — это я случайно увидел. Какие выводы я мог сделать?

Снова возникла пауза. Мне стало ясно, у очкарика был подготовлен какой-то план, а я в него не вписывался.

— Ну хорошо. А Иисус-то как стал вашим братом? Это вы не загнули?

Я ждал этого вопроса и, когда он прозвучал, не знал, что буду отвечать. Да, про Христа я, конечно, загнул. Азарт был, вот и не удержался. Как теперь выкручиваться?

— Сергей Михайлович. Объяснить это и слишком просто, и очень сложно. Это смотря кто слушать будет. Брат — это не в буквальном смысле. Иисус жил две тысячи лет назад. Но то, что он мой родственник, — это вполне вероятно.

— История вероятностей? Так? Ну рассказывайте, что вы имеете в виду?

— Я говорю, что это сложно понять. Тут скорее интуиция подсказывает.

— Интуиция? — усмехнулся франт. — Слушаю вас, время у нас есть.

Я немного задумался, как же приступить к повествованию, и решил начать с самого начала:

— После армии я случайно увлёкся этимологией. Один старый еврей рассказал мне, что мягкий звук «ль» имеет значение «бог». Он говорил о еврейских именах Самуэль, Ариэль, Михаэль, Израэль и других. Вот и в греческом языке и Хелиос, и эллин — это тоже всё о божественном и тоже с мягким звуком «ль». А чуть позже я увидел, как маленькая девочка лакомилась шоколадкой, шоколад таял у неё во рту, и я услышал этот самый звук «ль». Тогда я и понял, что звук «ль» — это звук удовольствия, блаженства. Вот и божественность — это высшее блаженство. И в русском, и в других языках «ль» — всегда о приятном. Например, любовь — что это значит? В отличие от грозного «р».

— Ну хорошо. Это понятно. А Христос тут при чём?

— Сергей Михайлович! Дайте мне несколько минут, и я всё объясню. Понимаете, это истоки языка. Всё начинается со звуков.

— Хорошо, слушаю вас внимательно.

— Я разбирал эти истоки и научился понимать истинный, первоначальный смысл, который в древности вкладывался в слова. Однажды прочитал, что у Иисуса Христа был отец. Пандира. В Талмуде Иисус так и записан: Иешуа бен Пандира. Вы слышали об этом?

— Да, есть такая версия. Но наша церковь её не поддерживает.

— Я знаю. И тем не менее. То есть древние евреи считали, что Иисус был сыном Пандиры. Считали, что Пандира — это римский легионер, грек по национальности. Источники называются, но, конечно же, я проверить это не мог. Какие-то еврейские книги. Вот. А что значит имя Пандира? Пандира — это искажённое «бондарь». Бондарь — тот, кто делает бочки. «Арь» — это профессия, от древнего «арать землю». Лекарь, пекарь, токарь, слесарь, технарь, золотарь, государь — это всё «арь», то есть «работа», профессия, «арбайтен». А «бонда» — это кольцо, которое натягивают на бочку, чтобы доски не рассыпались. Бонда преодолевает сопротивление досок. Понимаете? Это слово с русскими корнями состоит из древних предлогов «по», «на» и «до». «До» — это «предел», «на» — «сверху», а «по» — «вдоль». «Надо» — это «преодоление сверху». А «по» — «вдоль», по кругу. Понадо! Бонда удерживает доски

бочек. Опоясывает. Это настолько просто, что я удивляюсь, как русские разучились понимать свой язык. Английское need — это тоже искажённое русское «надо». Кто-то понимает это? Да и греки за тысячи лет так отупели, что забыли все смыслы своих мифов, перестали понимать заложенные в них метафоры. Напридумывали чепухи, свели всё к сказкам. А римляне только добились всю греческую мудрость.

— И только вы один всё знаете и понимаете? — Франт улыбнулся.

— Да, я понимаю. Поэтому и подал заявление на конкурс. России нужен мудрый царь. После моих слов Сергей Михайлович рассмеялся.

— Вы зря смеётесь. Всё намного сложнее. Человечество развивается и деградирует одновременно. Мозг каждого из нас разительно отличается от других. В детстве я рос без мамы, был бродягой, двоечником, но попала мудрая учительница, Людмила Алексеевна, я увлёкся математикой и за один вечер прочитал учебник геометрии до тригонометрии. Потом олимпиады бомбил, как орехи. А мои друзья не могли решить ни одной задачки со звёздочкой. Простые ещё как-то решали, а сложные не могли. Совсем. Я и так и этак разжёвывал. Не понимали. Сейчас один знаменитый профессор объясняет, что мозг у всех разный. Книжку написал о церебральном сортинге. У многих просто нет той субстанции, которая может распутать причинно-следственные связи и решить сложную задачу. То есть в принципе не могут. Генетически. Не выросли математические мозги. Зато могут музыку писать и стихи. У меня друг был, еврей. Умница. В Израиль уехал. Так он никак не мог понять фокус со связанными концами платка, которые фокусник мгновенно развязывает. Я ему долдонил, долдонил, что концы платка не завязываются в узел, а один конец обвязывается вокруг другого. Иллюзия. Понимаете? До него дошло, но как-то механически. Он просто запомнил движения, а понимание так и не пришло.

— То есть корону вы себе надели ещё в детстве?

— Да, была корона. Но потом оказалось, что есть люди и поумней.

— Так, может быть, они более достойны трона?

— Это не мне решать. Но я лучше. Я разносторонний. Как Одиссей. И такой же хитроумный! — сказал я, улыбнувшись.

Франт засмеялся и подхватил:

— Это вы в точку. Хитроумный!

— Да, хитроумный, но не обманщик. Тут смешивать не надо. Всё, что я написал в анкете, — это мои представления и предположения. Этимология не допускает обмана. Лжи в моих словах нет. Кстати, на древнегреческом слово «лэгу» — «говорю». А «логос» — это мысль. Когда русский поэт написал, что мысль произнесённая есть ложь, он просто сделал перевод. Но сами греки всё утратили. Вы знаете миф о ящике Пандоры?

— Ну знаю.

— А что такое Пандора? Вы почитайте, что греки насочиняли. И сосуд Пандоры — и ларец, и сундук, и ящик. Кто первый метафоры закрутил? Гесиод? Вы думаете, что все греки умные? Что они метафоры понимают? Девяносто девять процентов греков абсолютные, я извиняюсь, кретины. Впрочем, как и все другие народы. Диоген чего по Афинам со свечкой ходил? Ни одного умного найти не мог. Так вот. Имя Пандора тоже от слова «бондарь». Откуда взялся этот миф? Попробуйте приоткрыть бочку — всё сразу развалится. Хорошо, если там вино или масло. А если дерьмо? Вот вам и сундучок с бедами. Ларец Пандоры. Кара небесная. Открыли бочку и утонули в дерьме. Или разлили драгоценное вино. Гесиод прокукарекал, и пошло-поехало. Сказок насочиняли. Или возьмите слово «психология»? Целую науку создали. А дело выведенного яйца не стоит.

— Чем же вам психология не угодила?

— Греки всегда бредили гармонией. Они воспевали гармонию отношений между мужчиной и женщиной. Миф о Психее вы знаете? Слово «психо» состоит из двух корней: «пс»

— на всех языках «пс», а «хо» — это «дыхание», «душа». Гармония души и тела, животного и человеческого, звериного и божественного. Это основная проблема человека. С одной стороны, мы зверьки, жадные и похотливые, с другой — боги. Как добиться гармонии? Апулей, наверное, это понимал, но такую сказку сочинил в угоду римлянам. Весь смысл перевёл в другую плоскость. Обывателю и так не всё понятно было, а теперь за мудрость они принимают сказочную мишуру.

Франт смотрел на меня с улыбкой:

— Ну а с Пандирой-то что будем делать? Пандира здесь при чём?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.